

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 40 ОКТЯБРЬ 1975

АКАДЕМИИ НАУК СССР — 250 ЛЕТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2517)

4 ОКТЯБРЯ 1975

Исполняющий обязанности президента АН СССР академик В. А. Котельников (в центре) и вице-президенты академики А. П. Виноградов и П. Н. Федосеев.

Исполняющий обязанности главного ученого секретаря Президиума АН СССР член-корреспондент Г. К. Скрябин.

Академик В. Н. Черниговский.

Идет заседание президиума.

«...Все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем,–и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил?»

В. И. ЛЕНИН

ШТАБ СОВЕТС



Академики И. Н. Векуа, М. В. Келдыш, А. А. Баев, во втором ряду академик М. А. Стырикович.



Вице-президент академик Ю. А. Овчинников и академик Н. Н. Семенов.



Академики Н. М. Жаворонков, В. И. Спицын и Б. Н. Петров.

Академики Н. Н. Семенов и Н. Г. Басов. Во втором ряду академики В. М. Тучкевич, Н. П. Федоренко, Н. В. Мельников, Б. С. Соколов, Б. А. Рыбаков.



Фото И. ТУНКЕЛЯ

КОЙ НАУКИ

См. стр. 6.



ПАМЯТЬ О ТРУД

Эти имена появились на страницах наших газет и журналов четыре десятилетия назад. Вся страна с удивлением и восхищением следила, как шахтер Алексей Стаханов устанавливал в шахте невиданные рекорды добычи угля, как добивались высочайшей производительности труда кузнец Александр Бусыгин, ткачихи Мария и Евдокия Виноградовы, машинист Петр Кривонос. Они начинали движение за новый, ударный труд, названный стахановским — и это движение тотчас же было подхвачено десятками, сотнями, а вскоре и многими тысячами передовых тружеников нашей страны. С тех пор сообщения о новых победах стахановцев не сходят со страниц советской печати. Каждая пятилетка, каждый год труда называют имена продолжателей славного движения, рождаются все более совершенные формы социалистического соревнования, возникают новые почины. Все эти методы передовой организации труда глубоко изучаются, систематизируются, и сейчас, в дни сорокалетнего юбилея стахановского трудового подвига, в Москве была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция. Ее созывали ВЦСПС, Академия наук СССР, ЦК ВЛКСМ и Государственный Комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и зарплаты.

23 сентября в Колонном зале Дома Союзов собрались инициаторы стахановского движения — К. А. Борин, А. Х. Бусыгин, М. И. Виноградова, Д. М. Гармаш, М. В. Гнатенко, И. И. Гудов, М. С. Демченко, П. И. Ковардак, П. Ф. Кривонос, К. Г. Петров, Н. С. Сметанин, Т. В. Федорова, новаторы и передовики производства, идущие во главе всенародного социалистического соревнования. В работе конференции участвовали ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР, представители партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, руководители министерств и ведомств, ученые.

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами встретили собравшиеся сообщение о приветствии товарища Л. И. Брежнева участникам конференции.

В тот же день 23 сентября были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда Бусыгину А. Х., Гнатенко М. В., Гудову И. И., Ковардак П. И., Петрову К. Г., Сметанину Н. С.

24 сентября группу зачинателей стахановского движения принял в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Леонид Ильич тепло поздравил их со знаменательной датой 40-летия стахановского движения.

— Трудовой подвиг стахановцев, лично ваш вклад в это дело,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— высоко ценят советский народ, Коммунистическая партия.

Товарищ Л. И. Брежнев далее отметил важное значение стахановских традиций для развития массового социалистического соревнования, для воспитания молодой смены рабочего класса.

Ярким выражением самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции, их высокого патриотизма и беспредельной преданности делу Коммунистической партии является широко развернувшееся социалистическое соревнование за успешное завершение девятой пятилетки и достойную встречу XXV съезда КПСС.

Товарищ Л. И. Брежнев рассказал участникам встречи, над какими вопросами работает Центральный Комитет партии в преддверии XXV съезда КПСС.

Ветераны стахановского движения горячо поблагодарили Центральный Комитет партии, лично Леонида Ильича Брежнева за большое внимание к ним, за повседневную заботу о повышении благосостояния советских людей,



Во время приема у Л. И. Брежнева. Фото В. Мусаэльяна. (ТАСС)

ОВОМ ПОДВИГЕ

за неутомимую деятельность на благо мира и процветания нашей Родины.

В заключение беседы товарищ Л. И. Брежнев выразил уверенность, что ветераны труда и впредь будут активно участвовать в воспитании молодежи, передавать ей свой опыт, знания и мастерство, развивать наставничество. Он пожелал им доброго здоровья, счастья и благополучия. Леонид Ильич просил передать Алексею Григорьевичу Стаханову большой привет и пожелание скорейшего выздоровления.

На беседе присутствовали: секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, секретари ВЦСПС В. И. Прохоров и А. В. Викторов.

25 сентября Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил в Кремле ордена и медали группе зачинателей стахановского движения в стране.

Ордена Ленина и золотые медали «Серп и Молот» вручены А. Х. Бусыгину, М. В. Гнатенко, И. И. Гудову, П. И. Ковардак, К. Г. Петрову, Н. С. Сметанину.

Ветераны стахановского движения горячо поблагодарили Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство за высокую оценку их деятельности.

Н. В. Подгорный сердечно поздравил ветеранов-стахановцев с высшими наградами Родины.

— Трудовая эстафета, поднятая вами и поддержанная партией,—сказал Н. В. Подгорный,— принята миллионами ваших последователей. Освоив и развив ваш опыт, они также плодотворно трудятся во всех отраслях народного хозяйства страны.

Н. В. Подгорный пожелал награжденным крепкого здоровья, личного счастья, новых успехов в их трудовой деятельности.

25 сентября Всесоюзная научно-практическая конференция закончила свою работу. В выступлениях ее участников было всесторонне проанализировано значение стахановского движения, раскрыты основные теоретические положения о месте и роли социалистического соревнования в строительстве коммунистического общества. Подчеркивалось непреходящее значение ленинских принципов организации самого массового движения трудящихся в нашей стране, руководящей роли КПСС в его дальнейшем развитии.

С огромным воодушевлением участники конференции приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

...Позади напряженные часы работы конференции, волнующие встречи, выступления перед молодежью. С просьбой поделиться о впечатлениях этих дней корреспондент «Огонька» обратился к одному из участников конференции, Герою Социалистического Труда, бывшему парторгу шахты «Центральная — Ирмино», где родилось стахановское движение,— Константину Григорьевичу Петрову.

— Все, что происходило на конференции, произвело на нас огромное впечатление,— рассказывал К. Г. Петров,— мы были поражены тем, каких громадных масштабов достигло сегодня дело, начатое нами сорок лет назад. Но главное событие этих дней — прием у Леонида Ильича Брежнева. Я и сейчас словно ощущаю тепло той обстановки, в которой шла наша беседа. Легко, свободно протекал разговор о делах, вспоминалось былое. Говорилось и о том, что трудовой энтузиазм тех далеких лет навсегда останется в памяти народа. Как раз сегодня мы на ВДНХ встречались с молодежью, и я вспомнил эти слова: да, память о трудовом подвиге никогда не исчезнет, потому что она живет в сегодняшних делах молодежи, в их планах, а значит, и в будущих трудовых свершениях нашей страны.

ПОЗОР ПАЛАЧАМ ИСПАНСКОГО НАРОДА!





Митинг на Государственном подшипниковом заводе № 1. Выступает Пасионария. **Фото Б. Кузьмина**

Весть о казни франкистскими властями пяти испанских патриотов потрясла трудящихся нашей страны. Советский народ, как и все честные люди земли, выражает гневный протест против кровавой расправы над демократами. Многолюдные митинги протеста против фашистского террора в Испании проходят в эти дни на предприятиях и в учреждениях, на полях и стройках, в учебных заведениях и научно-исследовательских институтах.

О неизменных чувствах симпатии к испанским трудящимся, о поддержке их борьбы за свободу и демократию в Испании, о единодушном осуждении преступлений франкистских палачей взволнованно говорили участники митинга в инструментальном цехе Государственного подшипникового завода № 1 в Москве. Собравшиеся горячо встретили председателя Коммунистической партии Испании, славную дочь испанского народа Долорес Ибаррури. «В самые трудные периоды нашей борьбы,— сказала она,— мы ощущали вашу поддержку. Советские люди были первыми, кто пришел на помощь испанскому народу, и мы никогда не забудем этого».

В единодушно принятой резолюции участники митинга заклеймили позором фашистских палачей, потребовали прекращения расправ с испанскими патриотами, освобождения из тюрем всех демократов.

А. ГРЕЧУХИН

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЛКОВОДЕЦ



Имя маршала Василевского по праву стоит в первом ряду выдающихся советских полководцев, чей талант щедро раскрылся в трудную годину Великой Отечественной войны.

Есть такая профессия — защищать Родину. Этому благородному призванию без остатка отдал шестьдесят лет своей жизни солдат Советской Отчизны Александр Михайлович Василевский. В далекие годы первой мировой войны он, молодой командир роты, делил с солдатами все тяготы окопной жизни и завоевал их любовь хладнокровной храбростью и высоким чувством фронтового товарищества. Потому в дни Великого Октября солдаты единогласно избрали его своим командиром.

В боях за Советскую власть Александр Михайлович командовал батальоном и полком, в годы Великой Отечественной возглавлял Генеральный штаб и руководил фронтом. В послевоенное время был министром Вооруженных Сил. Но на каком бы огневом рубеже ни протекала его военная служба, он всегда с честью нес высокое звание защитника Родины.

Москва — Сталинград — Курская дуга — Крым — Восточная Пруссия — вот только самые основные вехи боевого пути прославленного военачальника. Высокая эрудиция, проницательность, умение предвидеть развитие событий помогали ему принимать точные и ответственные решения в переломные моменты величайших сражений.

В труднейший час Курской битвы, когда танковая лавина гитлеровцев рвалась через Прохоровку в обход войск Воронежского фронта, маршал Василевский организует решительный контрудар по наступающему противнику. В этот день, который вошел в историю войн как день крупнейшего танкового сражения, Александр Михайлович не покидал опаленного Прохоровского поля, направляя действия наших танковых корпусов и пехотинцев. Враг был разбит, цвет бронетанковых сил вермахта догорал на курской земле...

Крупнейшей кампанией заключительного периода Великой Отечественной войны стала Восточно-Прусская операция. Ведомые маршалом Василевским войска 3-го Белорусского фронта овладели цитаделью германского милитаризма — городом и крепостью Кенигсберг.

Перед решающим штурмом маршал собрал артиллерийских командиров:

— После артподготовки,— сказал он,— пойдут в атаку наши бойцы... Война кончается, их ждут родные. Бейте же по врагу так, чтобы все наши солдаты вернулись домой.

Летом сорок пятого Ставка назначает маршала Василевского главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке. «Современными Каннами» назовут позже историки молниеносный и сокрушительный разгром более чем миллионной японской армии. Невиданная по масштабам и срокам победоносная кампания поставила последнюю точку во второй мировой войне.

Прославленному военачальнику, дважды Герою Советского Союза маршалу А. М. Василевскому исполнилось восемьдесят лет. Защита Отчизны стала делом всей его жизни. И наш народ признателен своему полководцу.

За заслуги перед Советским государством и Вооруженными Силами СССР и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения Родина наградила дважды Героя Советского Союза маршала А. М. Василевского орденом Ленина.



В зале заседаний XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН.
Телефото АП — ТАСС

ЦЕЛЬ — ВОЕННАЯ РАЗРЯДКА

В Нью-Йорке продолжает работу XXX сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Она собралась в знаменательный год, когда народы мира отметили 30-ю годовщину исторической Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, а также создания Организации Объединенных Наций.

После завершения совещания в Хельсинки перед ООН, перед всей мировой общественностью встала важнейшая задача: дополнить и закрепить политическую разрядку военной, осуществить действенные шаги по сдерживанию гонки вооружений, сокращению производства оружия и, наконец, добиться всеобщего и полного разоружения.

Однако разрядка не развивается по инерции. Чтобы двигаться вперед, она должна получать новые импульсы. Это тем более необходимо, что лагерь противников разрядки предпринимает происки, опасные для дела международного сотрудничества. В этих условиях главное — претворять в жизнь многосторонние и двусторонние договоренности, шаг за шагом продвигаться к новым рубежам в борьбе за прочный мир. Советский Союз действовал и будет действовать так.

Подтверждение этому — новые предложения СССР, внесенные от имени Советского правительства на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. Одно из них — «О запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия».

Существо этого предложения — впервые оно было выдвинуто товарищем Л. И. Брежневым в его речи перед избирателями 13 июня — сводится к тому, чтобы государства, и прежде всего крупные державы, заключили соглашение, основой которого явилось бы обязательство не производить новые виды и новые системы такого оружия, не помогать и не поощрять любой направленной на это деятельности. Как подчеркнул глава советской делегации на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проект соглашения составлен таким образом, чтобы, ставя под запрет создание новых видов и новых систем оружия массового уничтожения, это соглашение не препятствовало бы в то же время экономическому и научно-техническому развитию государств-участников, не ущемляло бы их право использовать научные исследования и открытия в мирных целях.

Той же заботой об избавлении человечества от опасности войны, стремлением обуздать гонку самого мощного из имеющихся в распоряжении государств оружия — ядерного — продиктовано предложение СССР — «О заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия».

Международная общественность расценивает новую советскую инициативу как крупный вклад в дело ограничения гонки вооружений. Советские предложения встретили горячий отклик во многих странах мира и среди участников сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Полную поддержку они нашли у общественности социалистических стран.

Генеральной Ассамблее ООН предстоит обсудить более 120 вопросов, затрагивающих все сферы современной международной жизни. Советский Союз и другие социалистические страны принимают активное участие в работе сессии, защищая дело всеобщего мира и безопасности.

В. ДУНАЕВ

Наш Взгляд

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАВОЕВАНИЙ

Олег ИГНАТЬЕВ

Май 1974 года, Лиссабон. Еще не прошло и месяца с исторического для Португалии дня 25 апреля. Улицы, площади, стадионы города бурлят от бесчисленных демонстраций, собраний и митингов. Куда ни глянешь — всюду призывы крепить союз «Движения вооруженных сил» и народа. Все ратуют за революцию, все объявляют себя ярыми «защитниками свободы». В те дни среди лиссабонцев бытовала такая шутка: «У нас в стране восемь с половиной миллионов жителей, из них девять миллионов демократов». Глубокий подтекст вкладывался в эту фразу. Действительно, враги революции не испарились, не исчезли. Они выжидали удобный момент, чтобы начать действовать против демократических сил новой Португалии. Рано или поздно, но неотвратимо должно было начаться размежевание политических сил в стране.

После попытки военного переворота 11 марта 1975 года и особенно вслед за торпедированием коалиционного правительства, возглавлявшегося Васку Гонсалвишем, реакция предприняла настоящий штурм демократических институтов, развернула оголтелую кампанию насилия и террора против прогрессивных партий и организаций, в первую очередь против португальских коммунистов, видя в Португальской коммунистической партии главную силу, стоящую на пути их преступных замыслов.

Ущерб стране был нанесен немалый, но своей главной цели реакция не достигла. Народ показал, что он преисполнен решимости не допустить возврата к прошлому.

Необходимо упомянуть и о роли внешней реакции, в частности, о вмешательстве Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов в португальские внутренние дела.

В конце сентября крупнейшие американские газеты опубликовали ряд материалов, свидетельствовавших о том, что ЦРУ финансировало силы, организовывавшие антиправительственные выступления в Португалии. 25 сентября газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в Португалию «через ЦРУ ежемесячно переправлялось несколько миллионов долларов». Газета подчеркивает, что об этом «стало известно от официальных представителей в Вашингтоне». Газета «Вашингтон пост» в номере от 27 сентября, комментируя этот факт, утверждала, что «помощь ЦРУ оправдана (?!) американскими ценностями, политическими интересами и интересами безопасности».

При чтении статей и комментариев западной буржуазной прессы, посвященных событиям в Португалии, за последние полтора года бросается в глаза стремление их авторов акцентировать внимание исключительно на негативных явлениях, замалчивание положительных итогов деятельности прогрессивных сил. А таких завоеваний немало. Предыдущие правительства новой Португалии сумели осуществить ряд важнейших преобразований внутри страны и в основном выполнить свою внешнеполитическую программу, стержневой проблемой которой был вопрос, связанный с прекращением колониальной войны и деколонизацией. После 25 апреля 1974 года на карте мира появились новые независимые государства: Мозамбик, Острова Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи. Новая Португалия признала независимость Гвинеи-Бисау. 11 ноября станет независимой Ангола. В Португалии проводится аграрная реформа. Только за последние дни сентября экспроприировано еще 179 поместий на юге страны. 154 из них в округе Эвора и 25 в округе Сетубал. В Лиссабоне создан региональный центр аграрной реформы для ее более эффективного осуществления. Национализирован ряд крупнейших промышленных предприятий. Национализированы банки. Оказывается существенная помощь мелким землевладельцам. Все это свидетельствует о значительных успехах демократических сил страны, достигнутых, несмотря на отчаянное противодействие реакции.

Можно сказать, что в настоящее время обстановка в стране более или менее стабилизировалась, кризис если и не ликвидирован полностью, то по крайней мере притушен. Выступая несколько дней назад на церемонии в президентском дворце Белем, премьер-министр Пиньейру ди Азиведу заявил, что «6-е временное правительство сможет разрешить кризис, если будет единым и сплоченным, если оно направит свои усилия на достижение намеченных целей, на развитие португальской революции по пути к социализму». Широкие народные массы и в первую очередь рабочие промышленных предприятий организовали ряд массовых выступлений в защиту революционных завоеваний, за принятие срочных мер по ликвидации последствий последнего военно-политического кризиса.

В эти дни в центре внимания лиссабонской печати находится визит президента Португальской Республики Ф. Кошта Гомеша в Советский Союз. «Официальный визит президента,— писала лиссабонская газета «Секулу»,— подготовлен всем ходом развития советско-португальских отношений в последнее время, сотрудничеством между обеими странами».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Мы гордимся нашей Академией наук. Она окружена вниманием и заботой партии и народа, беззаветно и преданно служит нашей стране, мировой цивилизации. Величайшие завоевания отечественной науки, которые способствовали возвышению нашей Родины, непосредственно связаны с деятельностью Академии наук СССР».

Л. И. БРЕЖНЕВ

ШТАБ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

См. II стр. обл.

Академик
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ,
Герой Социалистического Труда,
Председатель Верховного Совета РСФСР,
лауреат Ленинской и Государственной премий,
исполняющий обязанности президента
Академии наук СССР

Академии наук Советского Союза 250 лет. Это — огромное событие в истории отечественной и мировой науки. Пожалуй, нигде, ни в одной стране мира не пользуются ученые столь высоким доверием народа, столь большой заботой и вниманием со стороны правительства, как в нашей стране.

Эта высокая оценка работы ученых нашла свое новое яркое выражение в награждении Академии вторым орденом Ленина. Для нас награда, носящая имя Владимира Ильича Ленина, имеет особое значение. Коренной поворот в истории Академии, происшедший после Великой Октябрьской социалистической революции, связан с основателем Коммунистической партии и Советского государства. В истории навсегда сохранятся события тех, первых, самых трудных для Советской республики дней, когда правительство во главе с Лениным приняло все меры к быстрому развитию научных исследований в стране и поставило перед Академией наук конкретные задачи, связанные с социалистическим строительством. Владимир Ильич находил время для того, чтобы вникать в дела Академии, помогать ей, проявлял большой интерес к работам ученых. По его инициативе были решены тогда важнейшие научные вопросы, созданы новые академические учреждения.

Сейчас Академия наук Советского Союза является крупнейшим в мире центром науки, располагающим широкой сетью научно-исследовательских институтов, находящихся в различных районах страны. В составе Академии около 250 научных учреждений, где работает более 160 тысяч человек! Ученые всех союзных республик вносят свой вклад в дело развития советской науки. Работы многих из них известны во всем мире.

Важным фактором прогресса мировой науки является творческое общение ученых разных стран. Достижения одной страны становятся достоянием всего человечества. В нашу эпоху научно-технический прогресс выдвигает такие проблемы, решить которые возможно только совместными усилиями научных организаций и ученых многих стран мира. Это диктует необходимость дальнейшего расширения и укрепления международных научных связей, координации научно-исследовательских работ в крупных масштабах.

Плодотворность творческого общения ученых подтверждается историей. Международные связи Академии со времени основания и до наших дней развивались, крепли и достигли сейчас поистине огромных масштабов. Академия наук СССР осуществляет сотрудничество с учеными 108 стран в самых различных областях науки, активно участвует в работе по международным научным программам. Наиболее широкие связи установились у нас с учеными стран социалистического содружества. Мы намерены и впредь развивать сотрудничество с учеными братских социалистических стран и других государств, укреплять это сотрудничество.

Особо благоприятные условия для этого создались именно сейчас, когда благодаря миролюбивой, конструктивной политике Советского Союза, нашей партии происходит разрядка международной напряженности.

Окидывая взглядом исторический путь, пройденный Академией наук за два с половиной столетия, мы можем с удовлетворением сказать, что на всем протяжении этого пути и особенно интенсивно в советский период деятельность ученых направлялась на решение проблем, имеющих важнейшее значение для прогресса страны, для блага человечества.

Все глубже входит наука в нашу жизнь. Она стала непосредственной производительной силой общества. Успехи ее неизмеримо велики, а мы к ним так привыкли, что их часто просто не замечаем.

Значение науки в жизни общества, несомненно, еще возрастет в будущем. Научная мысль еще дальше продвинется по пути познания окружающего мира, откроет еще больше «диковинного в природе.., увеличивая тем свою власть над ней», как говорил Владимир Ильич Ленин. Это создаст новые предпосылки дальнейшего технического прогресса, новые возможности развития производства и все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Современный научно-технический прогресс создает объективные условия для успешного построения коммунизма, его материально-технической базы, осуществления самых высоких гуманистических идеалов. Ученые нашей страны будут и впредь трудиться ради мира и прогресса.

интервью «огонька»

Член-корреспондент Академии наук СССР
Г. К. СКРЯБИН, лауреат Государственной премии,
исполняющий обязанности главного ученого секретаря Президиума
Академии наук

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Я беру на себя смелость утверждать, что во всей истории отечественной науки не отыскать времени, более плодородного, более насыщенного огромными научными свершениями, чем последние три десятилетия.

Когда в 1945 году отмечалось 220-летие нашей Академии наук, в Москву приехали крупнейшие ученые из 19 стран мира. Они расценивали эту юбилейную сессию как первый после войны международный научный форум.

Всем иностранным делегациям Академия предоставила возможность ознакомиться с достижениями советской науки. Гостям были открыты двери институтов, лабораторий, музеев. То, что увидели зарубежные ученые, произвело на них сильное впечатление. Глава американской делегации астроном Харлоу Шапли, выступая по радио, говорил тогда: «Было бы недооценкой действительности сказать, что мы были удивлены. Мы были прямо ошеломлены успехами науки, которая здесь, в Советской стране, является делом не только государственной, но и международной важности».

Американскому астроному вторил французский математик Жак Шапелон: «Советский Союз является гигантской научной лабораторией».

Знаменитый французский физик, почетный член Академии наук СССР Поль Ланжевен приехать тогда в Москву не смог, он был болен. Но на сессии зачитали его письмо, в котором великий ученый писал: «...основываясь на науке, Советская Россия показывает нам сегодня путь к решающему этапу человеческого развития».

И это не было преувеличением. У зарубежных гостей были все основания восхищаться достижениями нашей науки. Ведь именно в том же 1945 году открытие воздействия радиоактивных излучений на наследственность человека, сделанное советскими учеными еще в 30-х годах, предупредило мир о роковой опасности, которую несло всему человечеству применение атомного оружия.

Это лишь один пример того, какое огромное значение всегда имела наша наука для развития мировой научной мысли.

И если тогда, тридцать лет назад, успехи советской науки вызвали восхищение мировой научной общественности, если всеми было признано, что «дорога, взятая обновленной Академией,— говоря словами выдающегося английского физика, иностранного члена нашей Академии Джозефа Джона Томсона,— открывает в научном мире новую эру», то сегодня у нас есть все основания утверждать, что достижения советских ученых в последние тридцать лет еще больше закрепили за нашей Академией место крупнейшего центра мировой науки.

Еще в самый разгар войны по решению партии и правительства возобновились работы по урановой проблеме, по овладению энергией атомного ядра. На окраине Москвы в небывало короткий срок была оборудована сложной отечественной аппаратурой новая специальная лаборатория. Здесь были собраны почти все наши ученые-атомники. Эти работы возглавил академик И. Курчатов. В конце 1946 года у нас был введен в действие первый в Европе атомный реактор, а в 1949 году в СССР было произведено первое испытание атомной бомбы: тем самым была ликвидирована монополия США на ядерное оружие. Это была крупнейшая победа советской науки и техники, которая имела огромное значение для обеспечения безопасности нашей страны, других социалистических стран, для предотвращения угрозы ядерной войны.

Я смог бы назвать сотни имен отечественных ученых, внесших огромный вклад в мировую науку — только те работы, которые удостоены Ленинской и Государственной премий, представляют собой целый каскад блестящих открытий. Но это невозможно сделать в короткой беседе.

Достижения советской науки и техники получили широкое международное признание. Некоторые из них отмечены Нобелевскими премиями.

В 1956 году академику Н. Семенову вместе с английским физиком Сирилом Хиншелвудом была присуждена Нобелевская премия за разработку теории цепных химических реакций. Эта теория получила широкое практическое применение в химии.

В 1958 году советские физики академики И. Тамм, И. Франк и П. Черенков получили Нобелевскую премию за открытие свечения частиц, движущихся в среде со скоростями, превышающими скорость света в этой среде; это явление получило название «черенковского излучения».

В 1962 году академику Л. Ландау присуждена Нобелевская премия за создание теории, раскрывшей физическую сущность явления сверхтекучести (само это явление было открыто еще в предвоенные годы академиком П. Капицей).

Два года спустя, в 1964 году, академики Н. Басов и А. Прохоров, вместе с американским физиком Чарльзом Таунсом, получили Нобелевскую премию за основополагающие работы по квантовой электронике, которые привели к созданию мазеров и лазеров.

Все эти факты станут более впечатляющими, если вспомнить, что в начале века «всех известных физиков России можно было усадить на одном диване, а сумма средств, расходовавшихся в нашей стране на физические исследования, была во много раз меньше, чем расходы на содержание конюшен дворцового ведомства», по образному выражению академика Л. А. Арцимовича.

Я назову еще одно имя нобелевского лауреата, академика М. А. Шолохова — большого советского писателя, творчество которого известно всем.

В мире нет крупных научных обществ и ведущих академий наук, где бы не были представлены советские ученые. Я уже не говорю о почетных наградах. Академик Н. Боголюбов вслед за академиком П. Капицей был награжден медалью Франклина (США). Десятки почетных международных научных званий и наград присвоены академикам В. Амбарцумяну, А. Виноградову, М. Келдышу, В. Котельникову, А. Несмеянову, А. Опарину, Н. Семенову, В. Энгельгардту и многим другим.

Сейчас в Советском Союзе трудится четвертая часть всех научных работников мира. Без участия советских ученых трудно представить дальнейший прогресс мировой науки.

И сегодня с уверенностью можно сказать, что свершенного нашей Академией даже всего лишь за три последних десятилетия было бы достаточно, чтобы считать ее одной из величайших академий мира. И не на год или век — на все времена!

СОЗВУЧИЕ РАЗУМОВ

Ирина РАДУНСКАЯ

Более шестидесяти блистательных ученых мира являются иностранными членами Академии наук СССР: замечательный физик Франции Луи де Бройль, всемирно известный англичанин Поль Дирак, американский биохимик Сент-Дьердьи, первооткрыватель витамина С Лайнус Полинг, дважды лауреат Нобелевской премии, одна из которых присуждена ему за активную борьбу против опасности новой войны, мужественный ученый-атомник Гленн Теодор Сиборг, ставший убежденным противником атомного оружия, видный нидерландский астроном Ян Хендрик Оорт и многие другие. Но я расскажу лишь о двух из них, с кем я встретилась в преддверии 250-летия Академии наук.

...В древнем Киото, городе золотоверхих дворцов, овеянных легендами, городе поразительных парков, где растения и деревья приучены подчиняться не велениям природы, а преобразующим их рукам человека, у подножия снежноголовой горы Хиэ рос японский мальчик по имени Хидеки, прославивший Японию своими открытиями. Он часто гулял по окрестностям Киото со своим отцом, профессором географии, страстным почитателем природы, который воспитал в мальчике безграничную веру в мудрость природы, в ее рациональность и завершенность. Материализм древнего учения о природе и изощренность современной науки — вот питательная среда, на которой созрел разум человека, сыгравшего большую роль в покорении атомного ядра.

Сидя на скамейке в саду камней, я не могла отбросить мысль, что через час-другой мне предстоит увидеть создателя теории ядерных сил, лауреата Нобелевской премии Хидеки Юкаву.

Эта теория, принесшая Юкаве мировую славу, теория, над которой он работал с юности, связала его тогда с молодым советским физиком, позже академиком Игорем Евгеньевичем Таммом. И не только теория ядерных сил, но и человеческая дружба.

Я писала о работах Юкавы в книге «Безумные» идеи», и вот, когда издательство пригласило меня посетить Японию и прочесть лекцию, мы с Хидеки Юкавой договорились о встрече. Встреча была намечена в одном из киотских отелей, где должна была состояться пресс-конференция по проблемам научного творчества.

В три часа дня здесь уже много народу: корреспонденты столичных и киотских газет, издатели, переводчики.

Хидеки Юкава, элегантный, со свежим лицом и ослепительной улыбкой, стремительно поднялся мне навстречу.

Мы усаживаемся за маленьким столиком, подальше от нетерпеливо ожидающих журналистов, и я, передав Юкаве привет от советских академиков, его друзей, прошу рассказать японского ученого о новых исследованиях.

Юкава рассказывает, что спокойствие в физической науке, наступившее после выяснения природы ядерных сил, длилось недолго. На головы теоретиков экспериментаторы обрушили сотни типов мельчайших частиц, которые по очереди объявлялись элементарными, то есть неделимыми. И сегодня ученым легче рассчитать траекторию полета космического корабля, предугадать место посадки его на незнакомой планете, чем сказать, завершен ли список элементарных частиц или нам предстоят новые сенсации.

Он берет из моих рук записную книжку и чертит строение атомного ядра и взаимодействие его с элементарными частицами, как он себе это представляет.

— Как другие физики относятся к вашим результатам?

Я задаю этот вопрос не случайно. Вокруг не выясненного до конца вопроса всегда есть несколько точек зрения. Дирак, Гейзенберг, советский академик Н. Н. Боголюбов и другие большие ученые современности имеют свои мнения, и они не совпадают. Кто же из физиков разделяет взгляды Юкавы?

— Особенно мне близки глубокие работы советского академика М. А. Маркова,— говорит Юкава.— Он видит теорию элементарных частиц в том же свете, что и я. Наши точки зрения совпадают.

Я слушаю Юкаву и думаю о том, дождется ли наше поколение раскрытия одной из главных тайн мироздания.

— Советские ученые много размышляют над проблемой мышления. Каковы их результаты?— спрашивает Юкава.

Я рассказываю об успехах советской кибернетики, науки, в рамках которой сейчас создаются модели работы мозга, наметки программированного обучения.

— Я думаю,— говорит Юкава,— полезно для обеих наших стран сотрудничество в этом вопросе.

На прощание я спросила академика Юкаву, что он хочет передать советским читателям.

Юкава снова берет мою записную книжку, задумывается. Пишет...

Он не только увлечен «игрой, в которой люди задают природе вопросы в надежде получить ответ», как называют физику ученые. Юкава еще и поэт. Вот стихотворный экспромт (вернее, его подстрочный перевод), который он написал на память читателям «Огонька»:

Не в силах мы измерить глубину
морского простора.
Где шумят волны. И я вздыхаю. Идут дни,
гора Хиэ снова покроется снегом.
И путь мой кажется мне беспредельным...

«И путь мой кажется мне беспредельным». В этой строчке был ответ и на мой последний вопрос о дальнейших планах ученого.

...Другой конец света. Город, который нельзя не полюбить за его грациозность, благородный облик, изящество архитектурных ансамблей,— Будапешт. На вековой дуб в березовой роще похоже монументальное, кряжистое здание, как бы вросшее корнями в набережную Дуная,— Венгерская Академия наук.

Здесь меня принял президент академии, известный химик, академик Тибор Эрдеи-Груз. Он высок, худощав, сдержан. Подобно Юкаве, он тоже является иностранным членом Академии наук СССР.

Область науки, которой занимается венгерский ученый,— поиски новых источников энергии.

— У нас в СССР этой проблемой занимаются очень серьезно,— начинаю я разговор.

— Да, дешевые источники энергии — это забота ученых всего мира,— говорит Эрдеи-Груз.— Мы с моими коллегами много думаем над тем, как экономить существующие источники энергии — этот концентрат излучения Солнца.

Академик Эрдеи-Груз показывает мне свои книги: «Кинетика электродных процессов», «Транспортные процессы в водных растворах», «Химические источники энергии».

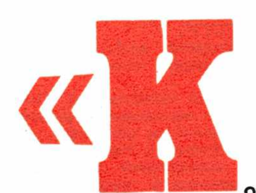
— В них рассказано о работах венгерских химиков. И не только венгерских. Замечательные результаты получены советскими академиками Семеновым, Фрумкиным, Спицыным и другими.

Я листаю книги, переведенные на русский язык. В них нахожу имена многих наших ученых. Библиография в большей своей части содержит ссылки на русские работы.

— Мы очень многому учимся у вас,— продолжает рассказывать ученый.— Почти 80 процентов нашей научной деятельности проводится в содружестве с Советским Союзом. Я сам бывал в СССР несколько раз... Почетными членами нашей академии являются виднейшие советские ученые: Александров, Анохин, Блохинцев, Виноградов, Келдыш, Колмогоров, Несмеянов, Семенов и многие другие. Это делает совместную работу наших академий еще более тесной и плодотворной...

АКАДЕМИЯ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ



«Когда я прибыл в Петербург, то чуть не поверил, что попал в другой мир... Здание Академии еще не готово, но это — настоящий княжеский дворец. Камера раритетов, Библиотека и анатомический театр вместе с аудиториями расположены в ряд вдоль реки... Чтобы дать Вам представление о Библиотеке... скажу только следующее... я получал все, что мне могло понадобиться».

Это письмо академика Г. З. Байера написано 250 лет назад, вскоре после Указа Петра Первого «учинить академию».

«Понеже ныне в России здание к возрощению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образцу; но надлежит смотреть на состояние здешнего государства... и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и розпложение оных польза в народе впредь была»,— говорилось в Указе.

Сочетание слов «наук» и «художеств» в то время означало исследовательскую деятельность и практическое приложение ее результатов. Например, в записке по поводу подготовки переводчиков «художественной», то есть научной, литературы Петр пишет, что они должны хорошо знать сами «художества» — «математические, хотя до сферических триангулов, механическое, анатомическое...».

Сначала Академия размещалась в нескольких домах на Петроградской стороне, где тогда был центр города. Здесь, на берегу Большой Невы, стоял знаменитый домик Петра — первое жилище царя в Петербурге. Рядом строили свои дома сановники.

Самым лучшим зданием был дом дипломата барона Шафирова. Это здание и отвели «под жилье академическим чинам... так же и для обучения студентам».

Петербургская академия являлась государственным учреждением и сочетала научно-исследовательские и учебно-образовательные функции. При ней были гимназия и университет, причем, что особенно интересно, в отличие от университетов Западной Европы в Академическом университете не было факультета богословия.

Президентом Академии стал лейб-медик Петра Великого Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. Это был, по воспоминаниям современников, «человек большой учености, большого ума и редкой обходительности», знающий в совершенстве несколько иностранных языков.

Хотя первое заседание Академии состоялось 27 декабря 1725 года, уже после смерти Петра I, создание Академии — неотделимая часть петровских реформ, которые отвечали потребностям экономического и культурного развития России в тот период.

Таково было начало пути главного штаба отечественной науки, пути длиною в 250 лет.

Деятельность Петербургской академии началась в то время, когда благодаря трудам Коперника, Галилея, Ньютона и других великих умов были заложены основы современной науки, тогда началось интенсивное развитие математики и механики, физики и химии. И что знаменательно: в первые годы своего существования Петербургская академия наук уже дала миру такого великого ученого, как Михайло Васильевич Ломоносов.

Химия, астрономия, геология, физика, литература — нет отрасли знания, которой не коснулось бы его гениальное прозрение. Его борьба с норманской теорией не только способствовала становлению русской истории как науки, но и стала событием в политической жизни России. Именно ему принадлежат гордые слова о том, что ученые не «суть художники, но и государственные мужи». И не случайно сегодня высшая награда Академии наук носит имя М. В. Ломоносова.

Золотая медаль имени Ломоносова присуждается ежегодно советскому и иностранному ученым за выдающиеся заслуги в естественных науках. Последними высокую награду получили два крупнейших ученых в области металлургии и металловедения — советский академик А. И. Целиков и президент Болгарской Академии наук Ангел Балевский.

Современность и страницы прошлого... Листая их, с особой ясностью понимаешь, сколь прочны те славные традиции, что заложены в фундамент здания отечественной науки. Но в то же время с болью убеждаешься в том, как мешало ее развитию самодержавие. Сама сущность этого государственного строя заставляла бояться науки, ибо знание в своей основе всегда революционно.

Вот, например, одно из прошений церковников, поданное царю: его просят запретить целый ряд книг, изданных Академией, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, не отваживался».

По уставу Академия наук считалась «первенствующим ученым сословием». Выбирать в академики и адъюнкты следовало ученых, которые «стараются расширять пределы всякого рода полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая оные новыми знаниями...». Таким образом, в уставе говорилось и о появлении в России новой почетной профессии — ученого-исследователя. Однако далеко не все ученые-исследователи, принесшие славу своему Отечеству, были избраны в Академию. Мы чтим память и заслуги перед мировой наукой Д. И. Менделеева, А. Г. Столетова, П. Н. Лебедева, К. А. Тимирязева, которые так и не стали российскими академиками.

...Наступил Великий Октябрь, начавший отсчет нового времени.

«Академия наук... была едва ли не первым ученым обществом,— писал А. В. Луначарский, — которое в буквальном смысле слова на другой или третий день по сдаче Зимнего дворца явилась ко мне, как к большевистскому наркому просвещения с заявлением, что она готова при новых условиях, при новом правительстве работать с прежним рвением над своей научной работой».

Сегодня, читая эти строки, с особой ясностью понимаешь, сколь естествен такой поступок для русских ученых. Они представляли собой передовую часть общества, и им более, чем кому другому, было ясно, куда ведет страну уже прогнивший самодержавный строй. Революция, создание первой в мире Страны Советов на основе самых передовых философских, экономических и политических идей не могли не увлечь подлинного ученого, открывали поистине необъятные горизонты для творческой работы на пользу своей страны, ее людям. Вот почему уже 24 января 1918 года Академия наук на Общем собрании выражает согласие вести научную работу «в связи с различными государственными задачами настоящего времени». Этим словам ученые остались верны в трудные, голодные годы иностранной интервенции и гражданской войны.

1920 год. В Советскую Россию приезжает писатель и ученый Уэллс.

«Одним из самых необычных моих впечатлений в России была встреча в Доме ученых с некоторыми крупнейшими представителями русской науки, изнуренными заботой и лишениями,— писал он.— Я видел там востоковеда Ольденбурга, геолога Карпинского, лауреата Нобелевской премии Павлова, Радлова, Белопольского и других всемирно известных ученых. Они задали мне великое множество вопросов о последних достижениях науки за пределами России, и мне стало стыдно за свое ужасающее невежество в этих делах. Если бы я предвидел это, я взял бы с собой материалы по всем этим вопросам. Наша блокада отрезала русских ученых от иностранной научной литературы. У них нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают; Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности исследования высшей нервной деятельности животных; Манухин, говорят, разработал эффективный метод лечения туберкулеза, даже в последней стадии, и т. д. Я привез с собой для опубликования в печати краткое изложение работ Манухина, оно сейчас переводится на английский язык. Дух науки — поистине изумительный дух...

Знания им дороже хлеба».

За два года до этих слов Уэллса в Советской России была создана Социалистическая, а позднее Коммунистическая академия общественных наук — марксистский центр исследований в области гуманитарных наук.

Михайло Васильевич Ломоносов.





«...Марксизм... есть *высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»,— писал В. И. Ленин. И сегодня Золотая медаль имени Карла Маркса — высшая награда Академии в области общественных наук. Она присуждается раз в три года. В 1972 году ее лауреатом стал советский ученый и общественный деятель академик П. Н. Поспелов. Медаль ему присуждена за выдающийся вклад в разработку истории КПСС и проблем отечественной истории.

В юбилейном, 1975 году Золотую медаль имени Карла Маркса получили член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда М. А. Суслов и член Политбюро Французской коммунистической партии Жак Дюкло.

М. А. Суслов внес большой вклад в разработку актуальных проблем международного коммунистического движения, мирового революционного развития, вопросов коммунистического строительства в СССР, теории и истории КПСС. Среди исследований Жака Дюкло высокую оценку прогрессивной научной общественности получили такие работы, как «Первый Интернационал», «Парижская Коммуна — предвестница нового мира», «Октябрь 17 года и Франция».

* * *

Передо мной журнал с пожелтевшими страницами, не столько от времени, сколько от плохого качества бумаги. На обложке слова: «Специальный выпуск, посвященный 200-летию Академии наук СССР». Это наш журнал «Огонек» полвека назад. Он был тогда совсем тоненьким, без цветных фотографий на обложках и вкладках и печатался на серой, быстро желтеющей бумаге.

Самые выдающиеся ученые того времени выступают на его страницах. Академики В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман, С. Ф. Ольденбург. А вот и репортаж из лаборатории Ивана Петровича Павлова.

Мне довелось побывать в этой лаборатории через 50 лет. Вернее, уже не в лаборатории, а в огромном институте. Ведь еще при жизни ученого лаборатория была преобразована в институт, его первым директором стал Павлов. Он тогда уже был всемирно известным ученым, лауреатом Нобелевской премии, членом 132 академий и научных обществ мира.

Да, неизмеримо вырос институт, но и сейчас в ленинградском здании на набережной Макарова у небольшого столика стоит кресло, где обычно сидел Иван Петрович Павлов. Вокруг собирались ученики. Их было человек десять. Среди них стоял и К. М. Быков — учитель академика В. Н. Черниговского, возглавляющего институт сегодня.

Почерк Павлова, его гуманизм, его поразительная смелость чувствуются в работах института. Они ведутся на самом современном уровне, с помощью сложнейших приборов и в то же время глубоко связаны с идеями Павлова, с его школой. Сюда входят исследования в области генетики высшей нервной деятельности и физиологии кровообращения, изучение головного мозга и функций пищеварения. Опыты ведутся и на пчелах, и на обезьянах, и на других насекомых и животных, но по-прежнему главный объект исследований, главный помощник ученых в изучении функций живого организма — собака. Недаром еще в 1912 году, во время присуждения Павлову звания Почетного доктора Кембриджского университета, английские студенты опустили к его ногам с хоров игрушечную собачку, как некогда на чествовании Дарвина — обезьянку. Сейчас эта игрушка бережно хранится в квартире-музее Павлова на Васильевском острове. Сюда часто приезжают физиологи мира, чтобы почтить память нашего ученого. И обязательно идут они потом в институт его имени, в клинику, где продолжается его дело, живет его мысль...

О высших достижениях науки рассказывает на страницах «Огонька» 1925 года академик С. Ф. Ольденбург. К 1925 году уже работали Институт физико-химического анализа и Институт платины, была создана Комиссия по изучению Курской магнитной аномалии и Атомная комиссия при Оптическом институте; радиевый завод получил первые высокоактивные препараты радия из отечественного сырья. «Недалеко то время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?» — писал академик В. И. Вернадский. В те годы отправились экспедиции в ставший легендарным Карабугаз и на Кольский полуостров, отдел энергетики приступил к комплексному изучению природных ресурсов Южного Урала и начала работать Западно-Сибирская ботанико-географическая экспедиция Академии наук...

Но сколько открытий, сколько свершений советской науки было еще впереди! Впереди были всенародная встреча папанинцев и их доклад на Общем собрании Академии о научных результатах работ дрейфующей станции «Северный полюс», исследования И. В. Курчатова по высвобождению энергии атомного ядра, пуск атомного реактора, ускоритель в Дубне и огни первой в мире атомной электростанции. И из всех республиканских академий наук нашей многонациональной страны тогда была создана лишь одна — Академия наук Украины. И хотя штабы науки в союзных республиках рождались в разные годы, есть в создании их общая черта — постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства, огромная помощь русской науки, русских ученых. Мощное развитие науки и культуры во всех республиках нашей страны было еще впереди. И впереди было награждение академий наук союзных республик орденами Дружбы народов. Впереди было создание искусственных алмазов, лазеров, первых ракет и реактивных самолетов. Еще не была разработана академиком С. А. Лебедевым первая электронно-вычислительная машина и нога советского человека не ступала на ледяную землю Антарктиды. А в безмолвном тогда космосе не раздавался тонкий голосок первого спутника, созданного в Стране Советов, и миру были еще неизвестны имена Королева и Гагарина. Да, впереди были светлые праздники советской науки и грозное испытание — Великая Отечественная война.

Ученые, имена которых теперь знает весь мир, работали для фронта. М. В. Келдыш внес огромный вклад в разработку теории и методов расчета вибрации самолетных конструкций. На основе исследований М. А. Лаврентьева создавались снаряды и броня танков, Е. О. Патон работал по внедрению новых методов сварки в оборонную промышленность, А. И. Берг — над созданием отечественной радиолокации, математические труды А. Н. Колмогорова были взяты на вооружение артиллерией, а С. А. Христианович трудился над улучшением баллистических характеристик реактивных снарядов. Много сделал для фронта генеральный конструктор авиационной промышленности А. Н. Туполев, а ставшие потом тоже академиками И. В. Курчатов, А. П. Александров и В. М. Тучкевич были на фронтах, искали и находили способы защиты кораблей от вражеских магнитных мин.

Но главное, ученые последовательно вели идеологическое разоблачение фашизма, человеконенавистнических теорий, воспитывали чувство советского патриотизма.

* * *

Зачем возникают города? Чтобы плавить металл, вести торговлю, строить станки, машины, ткать материи и шить одежду...

Но эти города иные. Их продукция почти невесома: научные идеи, дерзость мысли, знания. Самое ценное, что создает человечество.

В 1925 году можно было назвать лишь одно такое место — Колтуши, где работал великий Павлов. А сейчас нет во всем мире ученого, кто не знал бы о городах науки в Дубне, Серпухове, Пущине, Красной Пахре.

Городу Пущино-на-Оке минуло уже больше 10 лет. Я говорю «уже», ибо темпы нашей жизни столь стремительны, что, судя по свершениям, день стал равным году, а часы сжались до секунд. Город, которому минуло только десять лет, по праву стал столицей биологической науки. Здесь пытаются разгадать величайшую тайну природы — строение всего живого. Как устроена сложнейшая «молекулярная машина» — рибосома, как она создает основу жизни — белки? В чем причина поразительного разнообразия их функций? Как идут процессы саморегуляции в живой клетке? Каковы закономерности роста и развития микроорганизмов? Как их заставить служить людям, работать и в клинике, и в больнице, и на производстве? Наконец, какими путями повысить производительность сельского и лесного хозяйства?

Вот далеко не полный перечень проблем, над решением которых работают ученые Пущина. Исследования, ведущиеся на стыке биологии, математики, химии, физики,— самый передний край современной науки о жизни. И не случайно здесь трудятся в основном молодые исследователи: их средний возраст около 30 лет.

А здесь же, неподалеку, работает один из мощнейших в мире, Серпуховской ускоритель. В тихом Подмосковье открылось окно и во Вселенную. Здесь раскинул крылья-антенны мощнейший радиотелескоп Физического института АН СССР имени П. Н. Лебедева, пожалуй, самого крупного института Академии наук, которым руководит лауреат Ленинской и Нобелевской премий депутат Верховного Совета СССР Николай Геннадиевич Басов. Серпуховской радиотелескоп, чуткое ухо Вселенной, лишь один из сложнейших приборов этого института.

Так на живописных берегах неторопливой Оки идет штурм неизвестного по трем нехоженым дорогам: живая клетка, строение атома, жизнь далеких галактик.

Да, то, что еще недавно поражало людей, становится привычным, входит в нашу плоть и кровь.

Можно ли сегодня представить Новосибирск, Иркутск, Красноярск без такого привычного района, как Академгородок? А ведь только в 1957 году на берег Обского моря приехали строители, поставили первые палатки, временные бараки. В маленькой избушке возле речки Зырянки поселился Михаил Алексеевич Лаврентьев, всемирно известный ученый, математик, коммунист.

До тех пор в Академии наук СССР не было учреждения, подобного Сибирскому отделению. Все существующие отделения строились по отраслевому признаку, а тут впервые предстояло создать отделение, связанное не той или иной научной специальностью, а единой территорией, которую осваивают и изучают научные институты, откуда черпают новые кадры специалистов, подготовленных на самом высоком уровне. И Сибирь для этого — идеальное место. Ученые должны были изучить и использовать богатые природные ресурсы этого края. Изучить, обосновать происхождение, развитие, закономерности и пути использования сибирских руд, нефти, газа, алмазов, золота.

Когда ученые приехали выбирать место для городка, деревья стояли в последнем золоте осенних листьев. И само собой родилось название — Золотая долина. Это было время романтики. Я видела, как рождался город науки, как по асфальтированным улицам пошли автобусы, загорелись огни кинотеатров, поднялись здания шестнадцати институтов, составляющих сегодня богатство Академгородка, его славу и гордость, цель и смысл его жизни.

А вы знаете, когда возникла идея первого научного городка?

В 1757—1760 годах Ломоносов разработал план создания академического объединения из 14 корпусов, где разместились бы все научные учреждения и квартиры академиков, студентов и обслуживающего персонала. Теперь слова Михайло Васильевича Ломоносова начертаны при въезде в Новосибирский академгородок: «Российское могущество прирастать будет Сибирью».

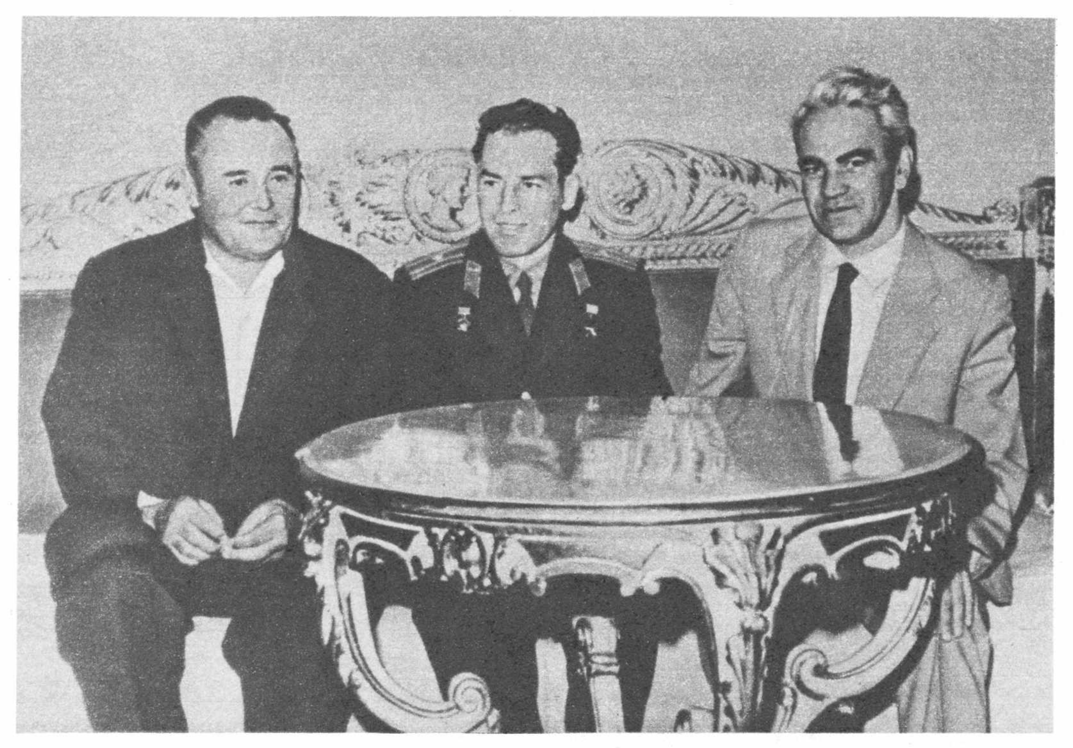
Связь времен ощущалась и в лабораториях нового Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Они, эти исследователи, те, кто спускается сейчас на дно океана, заглядывает в недра земли, проникает с помощью сложных приборов в глубь вещества, дает четкие задания электронным машинам,— «той же артели», что их предки, первые русские землепроходцы, открыватели неизвестного.

Изучение и освоение колоссальных богатств Сибири, Дальнего Востока, Сахалина, Камчатки, создание новой промышленности, развитой индустрии, высокой культуры — вот следствие рождения новых научных центров на востоке страны. Ведь научно-техническая революция подразумевает не столько научно-технический прогресс, сколько общее движение вперед, прогресс культуры, прогресс всех родов человеческой деятельности. Поэтому она и называется революцией.

Максим Горький вспоминал, что Владимир Ильич Ленин говорил ему: «Эх, если бы у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!»

Предвидение В. И. Ленина сбылось...

Москва. Ленинский проспект, 14. Здесь находится Президиум Академии наук СССР. Фото И. Тункеля



С. П. Королев, Г. С. Титов и М. В. Келдыш.

Мстиславу Всеволодовичу Келдышу принадлежит выдающаяся роль в становлении и развитии отечественной космонавтики. С пятидесятых годов он возглавил важнейший участок работ. Под его руководством и при активнейшем участии решались важнейшие научные и технические задачи по освоению околоземного космоса, Луны, планет Солнечной системы, формировались комплексные программы исследований. С именем М. В. Келдыша связаны такие блестящие достижения, как запуск первого искусственного спутника Земли, первые полеты к Луне, к планетам, выход в космос человека, развитие широкого международного сотрудничества Советского Союза в освоении космоса.

М. В. Келдыш — трижды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Мы попросили ученого ответить на наши вопросы о прошлом, настоящем и будущем космических исследований.

— Нынешний юбилейный год Академии наук СССР, которую вы возглавляли почти пятнадцать лет, особенно богат космическими событиями. В последнее время космонавтика из сферы фантастики и гипотез перешла в иное качество: она обрела характер отрасли, в которой развернулась регулярная деятельность. Чем это вызвано?

— Прежде всего логикой развития нашего мира. Современное общество не смогло бы обеспечить себя обилием информации, если бы не обладало таким мощным средством общения, как системы спутниковой связи. Эти системы уже играют важную роль в жизни человечества.

Или другой пример. Испокон веков человек учится предсказывать погоду. Но ведь и по сей день прогнозы синоптиков далеки от совершенства. В последние годы важную роль в получении глобальной метеорологической информации, повышении точности прогнозов погоды, предсказании стихийных бедствий играют спутники-метеорологи.

Современное сельское и лесное хозяйство, океанография, морское рыболовство требуют новых, совершенных методов исследования и контроля. Остро стоит вопрос о поиске новых залежей полезных ископаемых. Также остро ощущается проблема борьбы за сохранение окружающей среды. Для решения этих задач необходимы меры в масштабе всей планеты. Во всех этих случаях большое значение имеет космическая техника.

Человек все глубже проникает в тайны материи. Поразительные успехи достигнуты в исследовании звезд и галактик. Открытие реликтового излучения, квазаров, пульсаров, нейтронных звезд, признаки возможности регистрации гравитационных волн ставят перед учеными новые задачи и открывают новые перспективы для лучшего понимания Вселенной и происходящих в ней процессов. Известно, однако, что земная атмосфера пропускает лишь крохотную часть всего богатейшего спектра электромагнитных излучений, которыми наполнен космос. Дальнейшее увеличение размеров оптических телескопов не может решить всех этих проблем. И хотя оптическая астрономия еще далеко себя не исчерпала, нужны систематические исследования с помощью аппаратуры, вынесенной за пределы земной атмосферы.

Я намеренно не касаюсь основной, главной причины, которая и заставила человека разорвать цепи земного притяжения. О ней немало сказано и написано учеными. Это извечная потребность разума проникнуть в неизведанные дали, изучить и освоить другие планеты, другие миры.

— А как, в свою очередь, развитие космических исследований влияет на «земные» науки?

— Я бы сказал, что космические исследования являются своеобразным «ускорителем прогресса», так как оказывают поистине революционное влияние почти на все отрасли земной науки и техники: металлургию, физику, медицину, геологию...

Космические исследования указывают пути для создания новых видов металлических и неметаллических конструкционных материалов, прочных свариваемых сплавов, специальных высококачественных сталей, негорючих, жаропрочных, кислотостойких и антикоррозийных материалов и покрытий, электроизоляционных материалов, различных смазок, красителей, получающих широкое применение на земле. Разработаны новые типы источников и преобразователей энергии.

Стремление к экономии веса космических аппаратов оказало огромное влияние на развитие микроминиатюризации в электронике, в частности, на создание малогабаритных электронных вычислительных машин.

«Ракетно-космическая» техника находит широкое применение в машиностроении, приборостроении, на транспорте. На основе специальных «космических» материалов созданы даже разнообразные хирургические инструменты. Применяются фармакологические средства против укачивания, для повышения устойчивости организма к кислородной недостаточности.

— Вам приходилось работать с Сергеем Павловичем Королевым — Главным конструктором первых космических кораблей, аппаратов и ракет. Расскажите, пожалуйста, о нем.

— Сергей Павлович Королев был талантливым ученым и конструктором, человеком огромной воли и целеустремленности. Он понимал, что проникновение в космос является одной из важнейших задач современной эпохи, и поэтому направлял все свои силы на ее разрешение.

Он видел далеко вперед. Он умел своим энтузиазмом зажечь коллективы инженеров и ученых, воспитать большой коллектив конструкторов и сосредоточить их на решении важнейших задач космоса.

Если Константину Эдуардовичу Циолковскому принадлежит идея завоевания космоса, то в задаче осуществления космических полетов и их применения на первом месте стоит имя Сергея Павловича Королева.

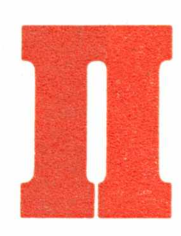
— А как начиналась подготовка человека к космическим полетам?

— Практически она началась с запуска первого спутника Земли. Однако в то время еще никто не мог сказать, что так скоро в космос полетит и человек, что космические полеты получат столь большое значение. Да, когда был запущен первый спутник Земли, никто не мог предположить, что через три с половиной года поднимется в космос Юрий Гагарин.

С каждым новым шагом в космических исследованиях открываются новые горизонты. И сейчас мы видим многие задачи, которые могут быть решены полетами автоматических станций и орбитальных кораблей. Так перспективы космических исследований все более и более открываются перед нами.

— Какие работы русских ученых имеют наибольшее значение сейчас для космической техники и космических исследований?

УСКОРИТЕЛЬ



— Многие работы прямо или косвенно поднимали общий уровень научного мышления, побуждали к открытиям ученых следующих поколений. Такова логика развития самой науки. Но если говорить о работах и открытиях непосредственного «космического» звучания, то, пожалуй, нужно начать с Ломоносова, которому принадлежит открытие атмосферы планеты Венеры. Это открытие в наши дни детализируется, уточняется и развивается с помощью космической техники.

Большую роль сыграли работы Дмитрия Ивановича Менделеева по созданию оригинального бездымного пороха, служащего основой для создания ракетных двигателей, работающих на твердом топливе. Большое внимание уделял Менделеев вопросам исследования земной атмосферы, воздухоплавания, теоретическим расчетам сопротивления воздуха.

О том, что значит для космических полетов система радиосвязи, говорить излишне. Напомним, что изобретение радио связано с именем русского ученого А. С. Попова.

Говоря о сегодняшних успехах космонавтики, нельзя не назвать Константина Эдуардовича Циолковского. Он предвидел развитие космонавтики на многие десятилетия. Его великолепные труды по теории реактивного движения получили самое действенное применение. Он первым в мире создал основы теории жидкостных реактивных двигателей. Циолковский разработал многие инженерные идеи, решения конструкций ракет. Ему также принадлежат ценнейшие работы по философским проблемам освоения космоса. Он первым высказал мысль о том, что перспектива освоения космоса безгранична, как и сама Вселенная. Эта идея утверждает безграничные возможности человечества. Циолковский обосновал не только теоретические возможности освоения космоса, но необходимость и неизбежность этого. Причем освоение космоса он неразрывно связывал с преобразованием Земли — суши, океанов, атмосферы — для блага людей.

В целом Циолковский теоретически правильно поставил и наметил решение основных проблем освоения космоса. Почти все, что делается сейчас в этой области, предвидел скромный учитель еще с рубежа нашего века.

Огромную роль в развитии полетов сыграли работы Николая Егоровича Жуковского, которого мы по праву называем «отцом русской авиации». Его трудами и усилиями его учеников были созданы основы советской авиации. Многие из учеников Жуковского, восприняв идеи Циолковского, стали создателями ракетной и космической техники, вошли в сегодняшнюю космонавтику.

— Каким вам видится будущее космонавтики?

— В последние годы выдвигается много смелых проектов, в которых основное внимание уделяется полетам человека к планетам Солнечной системы. Но реализация всех этих проектов технически сложна и связана с огромными материальными затратами. Осуществление межпланетных перелетов может стать значительно более реальным с созданием новых типов космических двигателей, в которых будут использоваться более концентрированные источники энергии — такие, как ядерные, ионные, плазменные.

То есть речь идет о высокоэкономичной энергетике, основанной на новых достижениях физики.

Уже существующий опыт показывает, что широкий круг научных задач в исследованиях планет может решаться с помощью совершенных автоматов. При этом наиболее перспективными представляются автоматы так называемого следующего поколения. Они смогут свободно перемещаться на поверхности другой планеты, а также воспринимать окружающую среду, анализировать данные и принимать решения о дальнейших операциях в зависимости от конкретной обстановки. С созданием таких автоматов связано решение проблем, которые входят в понятия «искусственный интеллект» и «интегральные роботы».

Что же касается дальнейшего освоения околоземного космоса, то здесь большая роль орбитальных станций бесспорна. В этих космических лабораториях будут проводиться исследования земной поверхности, ее атмосферы, небесных тел. Орбитальные станции должны стать цехами для производства новых материалов, создание которых в земных условиях невозможно. Кстати, подобный технологический эксперимент проводился недавно на борту космической системы «Союз — Аполлон».

Какими станут орбитальные станции в будущем? Многоцелевыми, как нынешняя «Салют-4», или узкоспециализированными? Думаю, что право на жизнь будут иметь и те и другие. На многоцелевых будут решаться комплексные и методические задачи, а на специализированных проводиться детальные, углубленные исследования или наблюдения. Станции будут функционировать, возможно, по нескольку лет.

Мы живем в эпоху, когда человек оторвался от Земли и получил возможность непосредственного исследования планет. Когда-то люди, несомненно, достигнут других планет и, возможно, других миров. И ответ на важнейшие вопросы развития мировоззрения — есть ли жизнь где-либо, кроме нашей планеты, не занимает ли человек в этом смысле исключительного положения, происходят ли во Вселенной неизвестные нам процессы превращения энергии и массы, превращения, которые могут быть использованы для блага человека,— лежит на путях освоения космического пространства.

— Как, по вашему мнению, выход человека в космос повлиял на изменение его взглядов на себя самого, на «планету людей»?

— Человек перестал себя чувствовать ограниченным пределами нашей планеты. Люди получили возможность взглянуть на Землю как бы со стороны. Все это расширило сферу нашего мышления, внесло в нее существенные изменения.

Планета как бы стала теснее, меньше для нас. И человечество смогло осознать себя именно как человечество в целом. Это изменение внесено новыми достижениями науки и в значительной степени космонавтикой.

Сознание безграничных возможностей науки и техники, несомненно, сильно повлияло на возросшее чувство ответственности за судьбы планеты, на которой мы живем. Космические исследования ввиду их глобального характера значительно способствуют развитию международного научного и технического сотрудничества, сближению народов мира. Один из примеров этого — осуществление программы «Союз — Аполлон».

Изобретение самолета имело последствия более важные, чем только создание нового вида транспорта. Общечеловеческое значение радио превосходит его чисто техническое применение. Значение выхода человека в космос еще более велико.

Человек стал менее зависим от природы, потому что сумел воздействовать на природу и изменять ее. Бытовое благосостояние основывается теперь не только на дарах природы, но прежде всего на том, что создаем мы сами. В этом отношении и открытие путей в космос совершенно изменило наше самосознание. Это вселяет в нас оптимизм. Мы не можем согласиться с идеей исчерпаемости и ограниченности природных ресурсов. Наука опровергает эту идею и показывает неожиданные, неизмеримо большие ресурсы, чем знало человечество.

РОГРЕССА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

На содержание Академии наук Петр отпустил денежные средства в размере 24 912 рублей — «только для начатия той Академии», в дальнейшем эту сумму предполагалось увеличить. Приглашенные из разных стран академики (11 человек) получали жалованье от одной до двух тысяч рублей в год. По тому времени это были очень большие суммы, так как весь государственный доход составлял не более 8 миллионов рублей.

В то же время во Франции академики вообще не получали жалованья, а Прусская академия поддерживала свое существование лотереями и изданием календарей.

* * *

Первый в России естественнонаучный музей — знаменитая Кунсткамера, собрание «редкостей и натуралиев» — был основан в 1714 году. Начало музею положили коллекции, приобретенные Петром Первым во время его поездок за границу. В Амстердаме он приобрел коллекцию «рыб, птиц и гадов», а затем и половину уникальной коллекции анатомического музея Фредерика Рейша в Амстердаме. Петр вообще был страстным коллекционером, для пополнения своего музея ничего не жалел. Что нельзя было купить на деньги, он выменивал: у римского папы Клемента XI он выменял античную Венеру на мощи св. Бриджиты, хранившиеся в Ревеле.

По распоряжению царя, экспонаты собирали и по всей России. Губернаторам рассылалось предписание «О налавливании птиц и диких зверей по приложенному реестру и прискании... великих костей как человеческих, так и слоновьих и других необыкновенных». Также приказано было собирать для пробы «раковин и камышков из губерний разноцветных, какие в каких реках явятца с каждой губернии по пуду, привязав к ним ярлыки с описанием прислать в Санкт-Петербурх». Кроме того, собирать у населения и «все, что зело старо и необыкновенно».

В 1719 году Кунсткамера была открыта для посетителей. Поначалу их было немного, так как ее считали «антихристовой выдумкой». Зная все это, Петр велел платы с посетителей не брать и принимать их как почетных гостей, угощать «кофеем, цукербродами и чаркой водки... Хочу,— говорил Петр,— чтобы люди смотрели и учились».

* * *

«Российская Академия наук, главная цель которой — содействовать развитию научного творчества, давно уже занята разработкой научных задач, тесно связанных с благом России: с самого времени ее основания и по ее поручению целый ряд академиков занимались изучением России, ее духовных и материальных сил...

Академия полагает, что значительная часть задач становится самой жизнью и Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром».

Из «Протокола заседаний Комиссии, избранной Общим собранием для рассмотрения предложений Наркомпроса о мобилизации русской науки. 19 (6) февраля 1918 г.»

ЭСТАФЕ

**Академик М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ,
Герой Социалистического Труда,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР,
лауреат Ленинской
и Государственной премий,
отвечает на вопросы
корреспондента «Огонька»
Ю. ЛУШИНА**

— Михаил Алексеевич, вы любите повторять слова: «Нет ученого без учеников». Можно ли считать их девизом вашей жизни?

— Во всяком случае, это мое глубокое убеждение, потому что наука не может развиваться без постоянного притока свежих, молодых сил. Это аксиома. К тому же научно-технический прогресс в наше время постоянно выдвигает новые и новые проблемы, разрешить которые в состоянии часто только ученые. Значит, каждый научный работник, если он не законченный эгоцентрик, должен растить и воспитывать продолжателей своего дела, свою смену, создавать научную школу, «дабы академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но и размножать оных». Вы помните, конечно, эти слова Ломоносова. Я убежден, что их будут повторять и через сотни лет, потому что в них истина. И все-таки бывает, что у одних исследователей большая школа учеников, а у других, даже очень крупных, или совсем нет учеников, или оных считанные единицы. Опыт жизни показывает, что научное общение на основе печатных работ полезно и совершенно необходимо, однако такое заочное общение не может заменить личных контактов, роль которых всегда была большой в прошлом и приобрела особое значение в наше время.

Конечно, в научной школе никаких дипломов не дают, а глава ее получает лишь дополнительные хлопоты. Это особая школа — школа общения, обмена идеями, проблемами и путями поиска их решений, это школа творчества, которое связывает людей, объединенных общими интересами и методами исследований. Всем известны научные школы и их достижения — школа физиолога Павлова, плодовода Мичурина, физика Курчатова, генетика Дубинина, геолога Губкина, ракетостроителя Королева...

Я принадлежал к «лузитании» — первой в России большой математической школе Николая Николаевича Лузина. Из нее вышли многие видные математики, такие, например, как П. С. Александров, В. В. Степанов, П. С. Урысон, Д. Е. Меньшов, А. Н. Колмогоров, Е. А. Селивановский, и многие другие. Более того, в пятнадцатом году в Москве оказался польский математик Серпинский. У него было немецкое подданство, и в Москву он попал в самом начале первой мировой войны в качестве военнопленного. Усилиями профессоров университета Егорова и Лузина Серпинскому была предоставлена свобода и созданы условия для научной работы. Серпинский принял участие в формировании школы Лузина, а после окончания войны вернулся в Варшаву и создал там свою научную школу.

Лузин многих из нас научил не только одержимости в достижении намеченной цели, но показал также, как надо увлекать молодежь на научный подвиг. Наука была для него главным содержанием жизни, и этому же отношению к науке, как к самому главному, чему должны быть отданы все силы, он учил и своих учеников. Он говорил, что научную работу нельзя вести по часам, от девяти, допустим, до шести, оставляя ее так, как оставляют рабочий халат, уходя со службы. Он настойчиво внушал, что занятие наукой есть трудное, тяжелое дело, требующее огромных усилий, большой настойчивости...

— Позвольте привести вам одно высказывание: «Ходить у него в учениках или коллегах непросто. Зайдешь ли к нему в кабинет, гуляешь ли с ним — всегда он забросает тебя вопросами, задачами, загадками... В любой ситуации его мысль работает непрерывно над какой-нибудь проблемой, и он вовлекает всех в обсуждение».

— Это о Лузине?

— Нет, Михаил Алексеевич, это о вас говорит один из ваших учеников, известный профессор. А двое других, доктора наук, сочинили о вас шутливую песенку:

И в беде, и в радости, и в горе
нам пример Лаврентьев подавал,
ни минуты сам не знал покоя
и другим покоя не давал...

— Вот как! Ну, что же, я вижу в этом одну из характерных черт «лузитании», а я ведь лузитанец. Естественно поэтому, что основная черта той школы — развитие самостоятельного мышления — стала для меня главенствующей, где бы я ни работал. Этого я требовал и требую от своих сотрудников. Этим же руководствуются наши ученые в Академгородке, отыскивая по всей Сибири способных ребят. Не простое усердие, не заучивание, пусть даже превосходное, готовых, стандартных решений, а оригинальность мышления интересна ученому в молодом человеке.

Но, к сожалению, средняя школа у нас вообще не подготавливает молодых людей к определенной сфере деятельности. Она стремится научить всему: и русскому языку, и иностранному, и истории, и пению, и физике, и химии, и еще десятку наук. Причем всем этим предметам стремится научить одинаково каждого, невзирая на склонности. Но ведь дети разные. Один готов выучить сто правил грамматики и триста исключений из них или запомнить полтысячи исторических дат. А другой таких завидных способностей не обнаруживает, зато прекрасно усваивает интегрирование. Наверное, до седьмого или восьмого класса средняя школа должна учить сейчас всему необходимому, внимательно наблюдая за каждым учеником, выявляя его склонности, способности. А после этого обучение надо вести с определенным уклоном — физико-математическим, биолого-агрономическим, техническим, историко-филологическим. Таким образом, средняя школа будет выявлять способных и уже в раннем возрасте нацеливать ученика на определенный род деятельности, учить мыслить в определенной сфере знаний. Именно на таком принципе основаны и с успехом действуют летняя физико-математическая школа в Академгородке и КЮТ — Клуб юных техников.

За пятьдесят с лишним лет работы со студентами и молодыми учеными я пришел к убеждению, что учить надо по способностям и интересам. Только это может поднять истинный уровень образования в стране. Все программы обучения на всех этапах должны стремиться к воспитанию самостоятельного, творческого мышления. Пассивное заучивание не может быть ни интересным, ни плодотворным. Нужно, чтобы знания человека сравнивались с его вчерашними знаниями, что делается чрезвычайно редко. Но только такая оценка имеет смысл. Сейчас же оценка имеет две основные черты — она сравнивает знания учащегося с каким-то абстрактным нормативом (за идеал принимается, видимо, знание учебника наизусть), во-вторых, сравнивает его знания со знаниями его группы, равняясь, как правило, на середнячка. А ведь поиск способных и способностей — это, по сути, поиск самых больших ценностей, какие только могут существовать в этом мире...

— Да, но это такое трудное дело...

— А я разве говорю, что это дело легкое? Я стою просто за нестандартный, индивидуальный подход к ученикам, к студентам, молодым ученым. Я знаю, что на математических факультетах из десятка кончающих оказывается лишь один-два настоящих математика. Остальные формально усвоили программу, сдали экзамены, но они, по существу, не математики. Очевидно также, что не всякий будет стоящим музыкантом, не всякий может хорошо рисовать или танцевать в балете. То же самое относится и к математике, и к инженерии, и к таланту организатора...

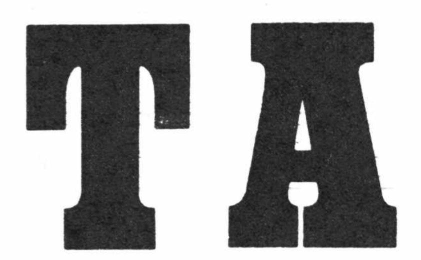
Вы знаете притчу о том, как Сократ открыл Платона, своего лучшего ученика? Я услышал ее от Лузина, когда мне было лет десять. Причем Николай Николаевич рассказывал так артистично, что невозможно было отличить, где правда, а где у него вымысел. Слушая его, я живо представлял себе, как, прогуливаясь, шел Сократ по городу. У одной стройки он внезапно остановился и увидел, что все каменщики возводили стены, проделывая одни и те же движения. И только один из них клал камни по-особому. Сократ присмотрелся и восхитился увиденным. Молодой рабочий экономил силы, у него все было рассчитано. Там, где другие делали два движения, он обходился одним. При этом стена росла у него быстрее, хотя работал он с меньшим напряжением. Тогда Сократ подозвал молодого рабочего и пригласил его к себе. А через несколько лет из рабочего-каменщика получился ученый, философ, имя и идеи которого живы и по сию пору...

Но, с другой стороны, одаренность может и не проявиться открыто, если она не носит ярко выраженного характера. Кстати, тот же Лузин, крупнейший наш математик, академик, учась в томской гимназии, получал одни двойки... Именно по математике, пока ему не наняли студента-репетитора. Тот оказался умным человеком и, к счастью, понял, что у мальчика просто замедленное восприятие и он не может решать стандартные задачи достаточно быстро. Однако если ему дать задачу трудную и дать время подумать, то он не только ее решает, но и решает совершенно оригинальным способом. После занятий с этим студентом Лузин настолько увлекся математикой, что уже не мыслил без нее дальнейшей жизни... Остальное вам известно...

А вот какой случай произошел несколько лет назад в Московском университете, на механико-математическом факультете. Самого способного студента курса — он был близорук и неуклюж и не ходил на физкультуру — исключили из университета. Причем исключил его декан, к сожалению, академик. Я понимаю, конечно, что и физкультура важна, и все же смею надеяться, что на том факультете важнее математика, механика, физика. Ведь, кто знает, может быть, тот студент оказался



Академик М. А. Лаврентьев с ребятами из Клуба юных техников. Фото Ю. Лушина.



бы равным по таланту Пуанкаре, известнейшему французскому математику, который, учась в политехнической школе, великолепно успевал по математике и совершенно не успевал по черчению. По этому поводу собрался ученый совет и постановил вообще освободить Пуанкаре от черчения. Это было в конце прошлого века. А в наше время даже в научных центрах — Москве, Академгородке — известны случаи, когда ученику за оригинальное, самобытное решение задачи, за решение не по учебнику выводилась неудовлетворительная оценка. Какой этим наносится урон будущей науке, трудно сосчитать.

— Из всего сказанного, видимо, должно следовать, что важны не только тонкая наблюдательность и талант воспитателя, но и определенная система выявления талантов, система подбора кадров в науке?

— Разумеется, и такая система у нас существует. Я уже упоминал о КЮТе и физматшколе... К самостоятельной научной деятельности мы направляем студентов университета. Этому, во-первых, способствует то, что преподавание ведут в нем все крупнейшие ученые Сибирского отделения Академии наук. Поэтому студенты всегда в курсе новейших научных идей и разработок. К тому же нет лучшего способа понять проблему самому, как довести ее до сознания ученика. Во-вторых, студенты начиная с третьего, четвертого курса обязательно ведут самостоятельную работу в лабораториях институтов или участвуют в научных экспериментах на правах равноправных членов коллективов. Это для молодых наилучшая проверка.

— Какие качества, на ваш взгляд, должны отличать ученого? Какие черты характера воспитываете вы в молодом человеке, решившем посвятить себя науке?

— Прежде всего трудолюбие (разумеется, принимая во внимание способности, талант, ум). Слова о труде в науке — это не фраза. Это закон. Исследователь, забывая об отдыхе, часто трудится по четырнадцать — шестнадцать часов ежедневно, если всерьез захвачен решением какой-либо проблемы. Новые научные идеи не валятся с неба, как манна небесная. Они рождаются в муках и требуют от ученого огромного напряжения. Сказать об этом — подвижничество, может быть, будет слишком громко, но в известной мере все-таки справедливо... Огромное значение имеет понимание того, что же из еще неизвестного является проблемой, имеющей насущное значение, проблемой, подлежащей исследованию, и в первую очередь умение проблему расчленить и выделить из нее главное. К этому я добавил бы еще одно качество, особенно важное для ученого,— абсолютную честность. Человек, склонный искажать факты, приписывать себе не принадлежащие ему идеи, никогда не сможет стать настоящим ученым... Ну, а характер? Характер что же — по возможности.

— Михаил Алексеевич, к вашей научной школе принадлежат такие крупные ученые, как академики А. Ю. Ишлинский, М. В. Келдыш, Л. И. Седов, член-корреспондент Б. В. Войцеховский, доктора наук В. М. Титов, А. А. Дерибас, Ю. А. Тришин, В. М. Кузнецов и многие, многие другие. Заранее прошу извинения у тех, кого не назвал, но перечисление заняло бы слишком много места и времени. Ваши ученики работают и тут, в Сибири, и в Москве, и в Киеве, и в Армении, причем иные из них сами уже возглавили собственные научные школы, стали не то чтобы конкурентами, но в каком-то смысле соперниками вашими. Как вы относитесь к этому?

— Тут может быть лишь один критерий. Если наука выигрывает от соперничества, я аплодирую своим соперникам. Успехам и достижениям своих учеников я радуюсь, как своим собственным. А то, что возникают новые научные школы и направления,—это же прекрасно. Важно только, чтобы они основывались на тех высоких принципах, которыми славилась русская наука и славится наука советская. Мы, старшее поколение, передали эстафету своим ученикам, они передадут своим. Наука от этого только выиграет и двинется вперед. А от того, какими путями будет развиваться наука, зависит будущее человечества. Мы, советские ученые, уверены, что наше будущее прекрасно.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Науки художествам путь показывают; художества происхождение наук ускоряют. Обои общею пользою согласно служат» — такими словами определил Михаил Васильевич Ломоносов неразрывную связь теории и практики.

В нашей академии с первых же дней ее основания утвердилась традиция применения научных и технических знаний на практике и участия ученых в становлении и развитии отечественной промышленности.

Решением инженерных задач занимались многие ученые, в частности академик Леонард Эйлер, крупнейший математик своего времени. Швейцарец по происхождению, он провел в стенах Российской Академии 56 лет своей жизни. «Я всем обязан Петербургской Академии наук»,— писал он на склоне лет. В 30-х годах восемнадцатого века при участии Эйлера была создана мастерская для шлифования камней, впоследствии превратившаяся в Петергофскую гранильную фабрику. Он разработал принципиально новую конструкцию гидравлической реактивной турбины. Многие теоретические исследования Эйлера родились из запросов практики. В 70-х годах, когда было решено построить мост через Неву, Эйлер лично рассматривал многие проекты. Его чрезвычайно заинтересовал проект, представленный знаменитым изобретателем И. П. Кулибиным, который впервые в практике применил метод проверки прочности моста на модели. Леонард Эйлер теоретически обосновал это правило и создал теорию проверки прочности мостов по модели.

* * *

Уникальная страница из истории открытий на севере Сибири связана с именем молодого русского ученого Михаила Адамса. Ему посчастливилось добыть для науки первого в мире легендарного мамонта. А было это так.

Отправившись в экспедицию на Крайний Север, к берегам Ледовитого моря, в 1806 году он прибыл в Якутск. Отсюда он собирался начать путешествие к устью Лены.

И вот здесь он узнал потрясающую историю: несколько лет назад тунгус Осип Шумахов в устье Лены увидел вмерзшего в ледяную глыбу целого мамонта. Адамс немедленно отправился на место необыкновенной находки.

Тунгусы привели его к Быковскому мысу.

Семидесятиметровая скала, покрытая мхом, оказалась голубоватой прозрачной ледяной глыбой, вокруг виднелись остатки исполинских деревьев, совсем непохожих на выброшенный рекой плавниковый лес. На отмели лежала туша огромного мамонта. Адамс понял, что он стал свидетелем следов грандиозной катастрофы в далеком прошлом нашей планеты.

Мамонт был высотой более трех метров, а длиной — около пяти. Голова его весила более 170 килограммов. Кожа животного оказалась совершенно целой. Она «была так тяжела,— писал ученый,— что десять человек, которые хотели нести ее до берега... с большим усилием могли приподнять ее...» Скелет, шкура и бивни зверя были отправлены в Петербург.

Адамс составил остов мамонта и отдал уникальную находку на суд академиков отделения естественной истории. Те единодушно признали, что мамонт, привезенный Адамсом, «заслуживает особливого внимания естествоиспытателей».

КИЕВ

УСТУПИТЕ МЕСТО ДУБЛЕРУ

Перед экраном телевизора — человек, проходящий испытания. Ему предлагают решать несложные арифметические задачи, условия которых выписываются на экране. Скорость, с которой меняются задачи, постепенно возрастает. Испытуемый еле успевает сообщать ответы, начинает ошибаться. Мозг его работает все более напряженно.

— Мы разрабатываем математические программы, с помощью которых сигналы мозга можно перевести на язык простых цифр, понятных каждому. Работа близка к завершению,— рассказывает руководитель отдела нейробионики, созданного недавно в Институте кибернетики Украинской Академии наук, доктор биологических наук К. А. Иванов-Муромский. — Некоторые наши программы уже применяются в клинике грудной хирургии. Другая задача, которую еще предстоит решать, — бесконтактный прием и передача сигналов мозга. Все наши работы направлены на то, чтобы научиться понимать мозг, бегло читать язык его сигналов, в конечном итоге научиться управлять его основными функциями: памятью, вниманием, эмоциями.

— А какое практическое применение может найти ваша работа?

— Представьте себе диспетчера у пульта управления железной дорогой, который следит за движением десятков поездов, или диспетчера в аэропорту, или оператора прокатного стана. Субъективно он может чувствовать себя вполне удовлетворительно. Но руководитель, в любую минуту информированный о степени его утомления, сумеет своевременно сказать: «Отдохните несколько минут»,— или: «Переключитесь на автоматику»,— или: «Уступите место дублеру».

С. КАЛИНИЧЕВ

ТАЛЛИН

МОРЮ НЕ ЖИТЬ БЕЗ НАС

Виллу Асток разложил на столе морскую карту. И не от плотной бумаги, не от близкого моря, а от сочетания этих двух слов — морская карта — запахло солью и водорослями, далеким ветром и холодной балтийской волной.

Разговор наш происходит в Институте термофизики и электрофизики АН ЭССР. В 1972 году здесь был создан сектор физического, химического и биологического исследования Балтийского моря, и своими работами этот сектор сразу привлек к себе внимание ученых из стран, окружающих Балтику. В секторе работают сорок три научных сотрудника, и работы у каждого из них — выше головы. Руководит сектором молодой доктор физико-математических наук Айн Айтсам.

Чтобы сектор взял хороший старт, многое сделали такие крупные советские океанологи, как член-корреспондент АН СССР Андрей Сергеевич Монин и академик-секретарь Леонид Максимович Бреховских. Общие усилия привели к тому, что с прошлого года АН ЭССР ответственна за координацию работ по изучению Балтики учеными всех трех прибалтийских республик.

— Однако почему же так давно обжитое и изученное море стало вдруг нуждаться в особо тщательных исследованиях?— спрашиваю я.

— Да именно потому, что оно так давно обжито, и нам необходимо избегать загрязнения и биологически исправлять ошибки предыдущих поколений. И сделать это еще далеко не поздно. Существуют Хельсинкская и Лондонская конвенции по охране вод, в ней участвуют все государства Балтики. Ученые этих стран активно интересуются работами нашего сектора. А мы исследуем все виды загрязнения воды.

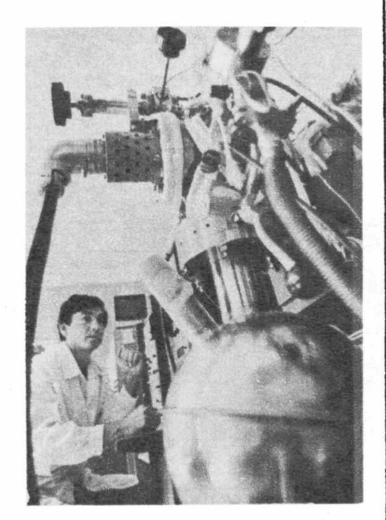
Проблемами распространения загрязнения по всему морскому простору занимается группа кандидата наук Матти Юхата. Так как невозможно практически исследовать каждый кубический сантиметр моря, они занимаются математическим моделированием этих сантиметров и сверяют свои формулы с составом воды из разных участков моря. Есть математические модели циркуляции воды — младший научный сотрудник Тийт Куллас уже подготовил диссертацию на эту тему и собирается защищать ее в Севастополе.

Молодые ученые Балтийского сектора относятся к своему морю как к родному детищу, как к живому прекрасному существу, и пока оно «болеет», покоя им не видать. А морю тоже не жить без них.

Н. ХРАБРОВА

ТАШКЕНТ

К ТАЙНАМ ЖИВОЙ КЛЕТКИ



Ученые утверждают, что в будущем самые невероятные открытия тайн природы будут связаны не с глубинами океанов и даже не с бескрайней Вселенной, а с микроскопически маленькой живой клеткой, загадки которой поистине беспредельны как раз по причине ее ничтожной малости. Ведь, например, вся информация, в которой зашифрованы генетические данные о развитии и существовании всех жителей Москвы, вполне уместилась бы в объеме 0,03 кубического миллиметра!

В разных концах нашей страны для изучения тончайших механизмов живой клетки чуть ли не каждый год создаются новые научные учреждения. Одно из них — отдел биоорганической химии Академии наук Узбекистана. Руководит им академик А. С. Садыков. Отдел существует только два года, но его достижениям могли бы позавидовать целые институты.

— Наши работы можно условно разделить на несколько направлений,— рассказал корреспонденту «Огонька» заместитель руководителя отдела Х. А. Асланов.— Первое — это исследование свойств белковых тел. Нам впервые удалось доказать, что ядерные, так называемые кислые белки, тоже участвуют в регуляции генетической информации. До сих пор ученые придерживались обратного мнения.

Следующее направление — это борьба с вилтом, грибковой болезнью хлопка. Нами изучается новое защитное вещество. С его помощью мы надеемся сэкономить миллионы тонн «белого золота».

Одна из последних наших новинок — таблетки против хронического курения. Препарат, полученный из ежевника безлистного, называется анабазин гидрафлорид. Сто безвредных таблеток за 20 дней лечения, и человек навсегда распрощается с табаком. Таблетки прошли все испытания. Я сам с их помощью отучился курить. В следующем году Чимкентский химико-фармацевтический завод начнет их массовое производство.

Сергей ВЛАСОВ
Фото В. Сваричевского

МИНСК

ТКАНЬ — ИЗ УГЛЯ

Мы находимся в Институте общей и неорганической химии Академии наук Белоруссии. Член-корреспондент АН республики И. Н. Ермоленко рассказывает мне о работах лаборатории, которой он заведует.

Игорь Николаевич развязывает тесемки обычной канцелярской папки и протягивает мне кусочек темно-серой ткани. Для элегантного мужского костюма, по-моему, вполне годится — мягкая, приятная на ощупь, красивого оттенка, с чуть заметной искоркой. Выслушав меня, профессор смеется:

— Нет, это ткань из углеволокна, и предназначена она для более серьезного применения.

Такая ткань в композиции с металлами или пластмассами употребляется в самолетостроении и космической технике. По прочности она значительно превосходит титановые сплавы, алюминий и намного легче их. Замена титановых и магниевых сплавов на современных самолетах углепластиком существенно снижает вес некоторых деталей. Специальные виды углепластиков наиболее широко применяются для теплоизоляционных покрытий.

Углеволокно очень хорошо проводит электрический ток. Комбинезон или скафандр, изготовленный из такой ткани, можно подключить к карманной батарейке и создать внутри него свой микроклимат.

— Все это замечательно, но, насколько мне известно, углеволокно — изобретение не новое, однако применяется оно на практике не так уж часто. Чем это объясняется?— спросила я профессора.

— Причина в том, что производство такого волокна весьма дорого. Пытаясь найти новое, экономичное решение изготовления углеволокон, мы начали работать в этом направлении в 1960 году...

И сегодня новый метод найден. Он заключается в том, что в состав исходного угольного волокна вводятся металлы или другие нужные элементы. Метод позволил значительно увеличить выход продукта, повысить его прочность, а главное — придать материалу новые свойства, не присущие обычным угольным волокнам.

В. КРАМОВА

ВИЛЬНЮС

ВЫГОДНО, НАДЕЖНО, КРАСИВО

Вблизи от главной площади Вильнюса катит свои быстрые воды Нерис. По широкой набережной пролегла красивая магистраль, которую образно называют Аллеей науки. Здесь расположены крупнейшие институты Академии наук Литовской ССР. Познакомимся с одним из них — Институтом химии и химической технологии.

В институте — около 400 научных работников. В большинстве это молодежь.

А возглавляет институт старейшина литовских ученых — президент республиканской Академии наук, член-корреспондент АН СССР, профессор, доктор химических наук, Герой Социалистического Труда Юозас Матулис. Кажется, что 76-летний возраст не властен над этим по-юношески стройным, всегда собранным человеком. Его работоспособность поистине удивительна. Им создано и опубликовано более 200 научных трудов. И почти все они посвящены борьбе с коррозией металлов средствами электрохимии.

— Коррозия — страшный бич. Подсчитано, что от ее разрушительного воздействия человечество ежегодно теряет более двух процентов металла. Это миллионы и миллионы тонн,— рассказал мне ученый.

Вместе со своим учеником, членом-корреспондентом Литовской академии, доктором химических наук Романасом Вишомирскисом и другими последователями он разрабатывает теорию электроосаждения металлов и сплавов, новые процессы нанесения блестящих покрытий.

Достижения вильнюсских электрохимиков приобрели мировую известность. Руководимый Ю. Матулисом институт тесно сотрудничает с другими научными центрами нашей страны, а также стран — участниц СЭВ и является ведущим научным учреждением по разработке мер защиты металлов от коррозии.

И вот я в лабораториях института. В секторе многослойных и металлокерамических покрытий, которым руководит доктор химических наук, профессор А. Бодневас, мне показали колпаки колес для «Жигулей» и «Москвича». Внешняя сторона колпаков отливает серебристым блеском, в них можно смотреться, как в зеркало. Спрашиваю:

— Это, безусловно, красиво, а насколько покрытие прочно?

— Прочности хватит на весь срок службы машины,— отвечает старший научный сотрудник Альгимантас Петраускас.

Автостроители довольны работой ученых. К примеру, новая технология блестящих покрытий, внедренная на Волжском автозаводе, в несколько раз повысила коррозионную стойкость деталей и дала годовой экономический эффект около миллиона рублей.

Недавно группа литовских химиков за разработку нового процесса блестящего никелирования была удостоена Республиканской премии 1975 года.

Настоящие волшебники работают в секторе конверсионных покрытий. Они искусно сочетают прочность защитных пленок с многообразием их цветовых оттенков и могут в этом отношении поспорить с художниками.

В секторе металлохимических покрытий, которым руководит член-корреспондент республиканской АН, доктор химических наук Ариан Прокопчик, мне дали мешочек, наполненный множеством изделий, своим блеском очень похожих на металлические. Но все они из пластмассы и потому удивительно легки.

Новые открытия вильнюсских химиков энергично внедряются в производство. Только за годы девятой пятилетки институтом создано 27 новых технологий, многие из них приравниваются к лучшим мировым образцам. Эти разработки внедрили более 300 предприятий страны. Многими патентами уже интересуются зарубежные фирмы.

Павел ТЕРНОВСКИЙ,
заслуженный журналист
Литовской ССР

ТБИЛИСИ

ЧТОБЫ ЛЕГЧЕ ДЫШАЛОСЬ ПЛАНЕТЕ

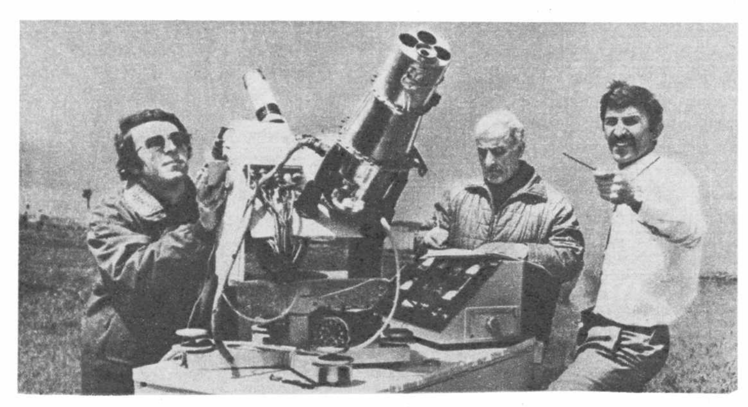
Экспедиция обосновалась на живописной горной равнине между хребтов, увенчанных снегом. Объективы сложных радиометрических приборов устремлены к Солнцу. Но совсем не оно стало предметом исследования ученых.

На высоте более двух тысяч метров над уровнем моря специалисты Закавказского научно-исследовательского гидрометеорологического института совместно с Институтом астрофизики Эстонской Академии наук ведут изучение нижних слоев атмосферы.

— В те дни, когда космонавты Севастьянов и Климук летали на орбитальной станции «Салют-4», мы проводили наши исследования совместно с ними,— говорит руководитель эксперимента В. Сихарулидзе.— На «Салюте-4» и у нас здесь, на Земле, стоят два одинаковых комплекса фото-радиометрической аппаратуры для изучения атмосферной оптики. Кстати сказать, эти приборы уникальны, они созданы советскими учеными впервые в мире. Так вот, суть наших совместных с космонавтами исследований состояла в следующем. Из космоса и с Земли велись измерения состояния атмосферы и влияния на нее деятельности человека. Земные приборы могли прощупать ту часть атмосферы, которая загрязнена производственной пылью, продуктами выхлопа самолетов и прочими отходами. Космические же приборы изучали незагрязненную часть атмосферы. И вот по разности наблюдений определялось влияние деятельности человека на окружающую его воздушную среду...

С приземлением космонавтов эксперименты на высокогорном полигоне, конечно же, не закончились. Они помогут разрешить многие проблемы, связанные с атмосферой — тонкой оболочкой планеты, дающей жизнь всему сущему на земле.

В. СЕРГЕЕВ



Руководитель эксперимента В. Сихарулидзе, инженеры И. Имнадзе и В. Шенгелия (справа налево) проводят измерения на полигоне.
Фото Ф. Крымского

ДУШАНБЕ

СЛУШАЯ ПУЛЬС НУРЕКА

Первое, что впечатляет в Нуреке, это поразительный контраст суровой горной природы и прекрасных творений человеческого разума. Вывернутые пласты земной коры, нагромождения гигантских каменных глыб, обнаженные геологические разрезы, беспокойный, веками грызущий скалы Вахш и вдруг — рукотворное море, созданное самой высокой в стране 300-метровой плотиной.

Союзниками строителей этого гиганта выступают ученые-сейсмологи. Ведь скальный хаос в районе стройки — результат тектонической деятельности, которая порождает землетрясения. Здесь случались даже девятибалльные толчки. А слабых землетрясений (силой до двух баллов) у Нурека сейсмологи регистрируют около полутора сотен в год.

В районе строительства проведен комплекс исследований. На их основе даны точные расчеты для предупреждения сейсмических воздействий на строящиеся объекты. Испытана на сейсмостойкость и модель уникальной плотины.

Стройка близится к завершению. Будут ли прекращены работы сейсмологов?

— Ни в коем случае,— говорит, отвечая на этот вопрос, директор Института сейсмостойкого строительства и сейсмологии член-корреспондент АН Таджикской ССР Сабит Негматуллаев.— Район Нурека, пожалуй, единственное место в СССР, где так интенсивны сейсмические проявления и так интенсивны наблюдения за ними. Когда в конце 1972 года Нурекское водохранилище стало наполняться и уровень воды достиг ста метров, сейсмические явления, как мы и предполагали, усилились. Число слабых землетрясений возросло втрое. Кроме того, за один месяц было зарегистрировано три толчка средней силы. Однако они не причинили вреда сооружениям гидроузла, рассчитанным на максимально возможные в этом районе сейсмические воздействия. Как видите, сейсмологи не зря держат руку на пульсе Нурека.

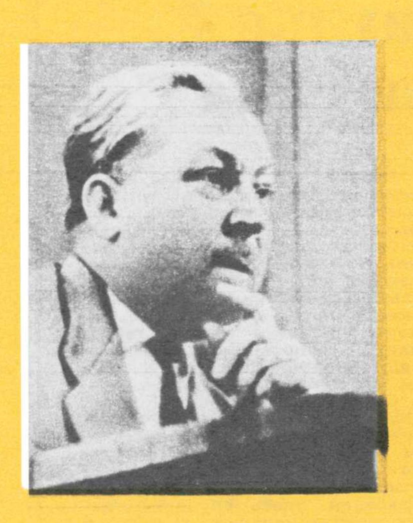
Сейчас Нурекское водохранилище опоясано двойным ожерельем сейсмических станций. Предстоит провести детальное изучение механизма и очагов землетрясений.

Этим летом в исследования у Нурека включились наши американские коллеги, сотрудничество с которыми началось с мая 1972 года, когда было подписано соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. На берегу Нурекского водохранилища ими установлены шесть высокочувствительных сейсмостанций.

Олег СОБОЛЕВ,
корреспондент Таджикского
телеграфного агентства

«СОЮЗ НАУКИ И РАБОЧИХ»

Академик Бонифатий Михайлович КЕДРОВ заведует сектором «История науки и логики» Института истории естествознания и техники АН СССР. Его труды в области марксистской диалектики широко известны. Ряд его работ посвящен роли В. И. Ленина в организации советской науки. Наш корреспондент В. Крупин попросил Б. М. Кедрова рассказать о взаимоотношении Российской Академии наук с молодым Советским государством, о борьбе В. И. Ленина за то, чтобы сделать Академию штабом советской науки.



— Готовясь к выступлению на I Всероссийском съезде по просвещению, В. И. Ленин так сформулировал один из тезисов: «Союз науки и рабочих». Расскажите, пожалуйста, как этим лозунгом определялась деятельность молодого Советского государства в области развития науки.

— В центре внимания В. И. Ленина стояла связь науки с практикой, с техникой, с производством. Он проявлял неослабное внимание к реорганизации народного хозяйства на научных основах. «Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники,— подчеркивал Ленин,— построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации...».

Сегодня, когда во всем мире разворачивается научно-техническая революция, хочется вспомнить ленинские размышления по поводу изобретения подземной газификации угля. В 1913 году в статье «Одна из великих побед техники» Ленин писал: «Открытие Рамсея означает гигантскую техническую революцию...

Переворот в промышленности, вызванный этим открытием, будет огромен.

Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме».

Ленин показывает, что при капитализме оно лишь обострит коренные противоречия, присущие этому строю. Напротив, при социализме благодаря таким техническим переворотам жизнь трудящихся масс будет улучшена существенным образом.

И Ленин выдвигает идею будущего плана электрификации страны: «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавит миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне».

Уже в этой работе гений вождя революции прозорливо начертал основные контуры, пути и цели развития науки при социализме и вместе с тем дал общий методологический ключ к всестороннему анализу той научно-технической революции (включая ее социальные последствия), которая развернулась во всем мире в середине нашего века.

— Вскоре после победы Октябрьской революции В. И. Ленин поручает Наркомпросу начать переговоры с Академией наук о привлечении ее к разработке народнохозяйственных проблем. Еще до Октября в работе «Удержат ли большевики государственную власть!» им было сформулировано положение об использовании пролетариатом сложившихся в недрах буржуазного общества организационных форм: «...организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии...»

— Именно так. Великий государственный деятель и проникновенный политик, Ленин разглядел в прежней Императорской Академии наук организационную форму для сплочения вокруг нее — как ведущего штаба науки — специалистов, ученых, которых можно и нужно было привлечь к начавшемуся строительству нового общества. Разумеется, трудно было рассчитывать, что это учреждение, почти два века работавшее при царизме, очень быстро перестроится на социалистический лад. Надо было дать всей работе Академии наук новое направление, которое соответствовало бы коренным задачам построения социализма в России.

Нарком просвещения А. В. Луначарский вспоминал, что он «имел прямые директивы В. И. Ленина: относиться к Академии бережно и осторожно и лишь постепенно, не раня ее органов, ввести ее более прочно и органично в новое коммунистическое строительство».

9 апреля 1918 года Академию наук по поручению Ленина посетил секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов и сообщил, что Совет Народных Комиссаров считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии и приглашает ее довести до сведения Совета об имеющихся предположениях экспедиций, предприятий и изданий с тем, чтобы им могло быть оказано скорейшее содействие.

Через несколько дней Совнарком признал принципиально необходимым финансировать работы Академии по исследованию естественных богатств страны.

Научное строительство представляло одну из важнейших задач. До революции в системе Академии почти не было крупных научных учреждений, вовсе не было институтов, она объединяла всего 5 лабораторий, 7 музеев и 7 станций. Характерной чертой русской науки были распыленность научных сил и разобщенность исследовательской работы. Бурное развитие естествознания, начавшееся в первые годы XX века, требовало новых подходов к постановке исследований, к организации науки вообще. Академия представляла собой прежде всего собрание своих членов. Большинство из них были выдающиеся ученые, внесшие большой вклад в мировую науку.

— Достаточно вспомнить имена таких современников Ленина, как минералог В. И. Вернадский, математик А. Н. Крылов, химик Н. С. Курнаков, физиолог И. П. Павлов. Любопытно, что все они писали в те годы о необходимости «коллективных работ по единому плану». Эти мысли совпадали с ленинскими мыслями об организации науки в новом государстве на новых началах.

— Чрезвычайно важно, что в этом смысле интересы науки и революции, интересы государства и Академии совпадали. Многие ученые проявляли инициативу, полезную для молодого Советского государства, и своими начинания-

●

Антенна Восток — Запад словно чуткое ухо, прислушивающееся к голосу Вселенной.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Город Пущино по праву считают столицей биологической науки.

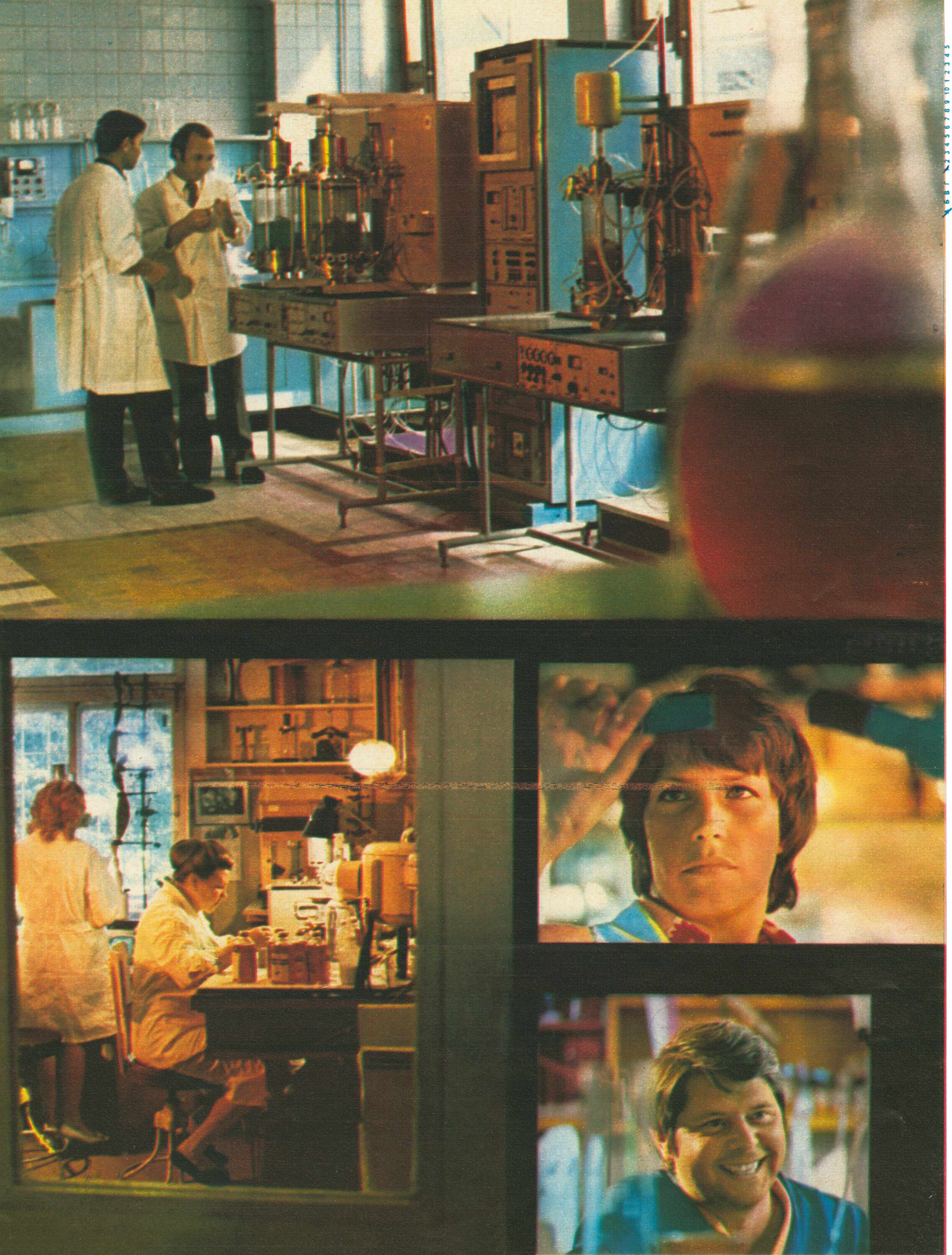
Электронно - микроскопическая фотография дрожжевой клетки — фабрики белка и витаминов.

Фото И. Тункеля.









ми подсказывали пути к современной организации науки.

Зародышем связи Академии с жизнью, с практикой стала Комиссия по изучению естественных производительных сил — КЕПС.

К сожалению, до нас не дошли подробности беседы В. И. Ленина с группой академиков в первые дни апреля 1918 года. Ученые привезли в Москву официальное постановление Академии наук, в котором предлагали свои знания Советскому правительству и изъявляли желание работать на пользу Родины. В известной мере о темах апрельской беседы главы правительства с представителями Академии можно судить по ленинскому наброску плана научно-технических работ — целый ряд формулировок в этом наброске и в докладной записке совета КЕПС о плане исследований природных ресурсов России совпадают. Владимир Ильич писал после беседы: «Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России».

Наряду с проблемами рационального размещения промышленности в России в этом плане особое внимание обращено на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества в земледелии.

— Электрификации Владимир Ильич, как известно, придавал важнейшее значение. Еще 18 марта 1918 года он присутствовал на совместном заседании Электротехнического отдела ВСНХ и Комитета хозяйственной политики ВСНХ. Обсуждался вопрос о мерах по электрификации промышленности Москвы и Ленинграда.

Об этом дне, 18 марта, видимо, стоит вспомнить особо.

— Безусловно. Один ленинский документ свидетельствует о том, что еще тогда, до того, как в Совнарком попали многие документы Академии и КЕПС, Ленин уже знал о важнейших начинаниях КЕПС. Слушая докладчиков на ВСНХ, Ленин делал заметки. Вот одна из них: «В Питере Комиссия **Глушкова**». Речь шла о работах отдела «Белый уголь» КЕПС, который возглавлял видный гидролог профессор В. Г. Глушков. Вот другая: «**Волхов** строить». Она сделана во время рассказа о проекте Волховской ГЭС — первенца советской гидроэнергетики. Автор проекта Волховской ГЭС академик Г. О. Графтио вспоминал впоследствии:

«Нужно было изумительное ленинское революционное чутье, чтобы в то трудное время начать громадное хозяйственное строительство. Ленин был непреклонен. Он провел решение о постройке Волховской станции через Совнарком».

Президент Академии наук Карпинский сообщил в Совнарком в середине апреля, что у КЕПС лежит без движения 200 печатных листов материалов о производительных силах страны. Владимир Ильич тут же вмешался, он дал указание «ускорить **издание**» и просил включиться в это дело и Наркомпрос, и союз типографских рабочих, и Комиссариат труда.

В короткий срок вышло 6 томов трудов КЕПС — «Ветер как двигательная сила», «Белый уголь», «Артезианские воды», «Полезные ископаемые», «Растительный мир», «Животный мир». До выхода этих книг многие специалисты в стране, в сущности, не знали, сколь велики производительные силы России.

Так же конкретно и оперативно решались многие другие вопросы организации науки. В жизни Академии начался новый период.

Ассигнования на науку в РСФСР по смете 1918 года почти в четыре раза превосходили средства, ассигнованные царским правительством на 1917 год.

Один за другим создавались новые научные коллективы — институты, лаборатории, отделы и комиссии КЕПС, экспедиции. Только за два года, в 1918—1919 годах, в стране было создано 33 крупных по тому времени института.

Забота ленинской партии о создании государственной сети научных учреждений нашла свое отражение в новой Программе партии, принятой VIII съездом РКП (б) в марте 1919 года.

— Луначарский вспоминал, что «к крупным научным специалистам Ленин чувствовал весьма большое уважение. Это по его инициативе сделан был шаг, казавшийся в то время очень смелым, а именно включение очень большого количества беспартийных ученых в органы ВСНХ и Госплана».

— Да, Владимир Ильич Ленин был великим собирателем талантов. Не только в науке, разумеется. Но в науке, как мне кажется, особенно. Он умел открывать людей, следил за их ростом, поддерживал, и если надо — воспитывал. Изучая день за днем ленинскую биографию, мы видим, как целеустремленно и методично в орбиту ленинского внимания вовлекались все новые и новые деятели науки и техники. Павлов, Циолковский, Тимирязев, Жуковский, Хлопин, Прянишников, Самойлов, Стеклов, Вернадский, Бах, Книпович... Каждое из этих имен — эпоха в своей области. Эти люди были пионерами и революционерами в науке. Они были первыми в биологии и математике, в космонавтике и химии, геологии и агрономии, океанологии и атомной физике.

Сегодня имена этих ученых носят многие академические институты, где трудятся коллективы исследователей, снискавшие себе мировую известность.

На I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства Ленин говорил, что «только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния».

— До сих пор мы говорили лишь об отношении Ленина к естественнотехническим наукам. Как же обстояло дело с общественно-гуманитарными?

— По-разному вставали перед победившим пролетариатом России задачи в отношении каждой из обеих этих областей. И те и другие задачи сформулировал Ленин, организуя вместе со всем социалистическим государством и науку как часть забот и деятельности этого нового государства. Тем самым Ленин впервые за всю историю человечества поднимал науку на уровень дела большой государственной и всенародной важности.

Если в отношении естественно-технических наук линию их развития при социализме Ленин определил своим «наказом», данным Академии наук, как назвал этот документ Г. М. Кржижановский, то в отношении общественно-гуманитарных наук необходимы были иные организационные формы и меры. Ведь речь шла о рождении совершенно нового центра развития марксистской мысли, даже намек на которую отсутствовал в Петербургской Академии наук. Без него нормальное развитие науки в Советской стране было бы просто невозможно.

Итак, одновременно с поворотом старой Академии наук к практике социалистического строительства возник столь же неотложный вопрос о создании новой, «социалистической академии общественных наук». Рукой Ленина в мае 1918 года записаны основы, на которых должна быть учреждена эта Академия: «1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления; 2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы; 3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований...».

«Кроме того,— как вспоминал М. Н. Покровский,— была высказана мысль, что, может быть, в составе марксистов, партийных и непартийных, могут оказаться крупные теоретические силы, не попавшие еще на учет. Так вот учет марксистских теоретических сил и был поставлен как четвертый пункт задач будущего учреждения».

Вскоре такая Академия была создана, а в 1924 году ее переименовали в Коммунистическую академию.

Так сливались, по Ленину, воедино в решении коренных задач строительства социализма в нашей стране наука, представленная старой Академией наук, и марксизм, представленный новой, социалистической академией общественных наук.

В. И. Ленин смотрел в будущее. В условиях разрухи и голода он предвидел грядущее нашей страны. В этом будущем одно из самых важных и почетных мест было отведено науке...

●

Институт биохимии и физиологии микроорганизмов АН СССР. Зал лабораторных ферментов.

В Институте химической физики АН СССР.

Молодые научные сотрудники института Маргарита Фомина и Юрий Азизов.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«После вчерашнего совещания о Кара-Богазе, о роли его, Баку и всего Каспийского района как мирового центра будущей химической промышленности, о тех химических работах, которые нужно ставить немедленно, чтобы найти, изыскать методы применения сульфата, который десятками миллионов пудов ежегодно отлагается по берегам Кара-Богаза, о технических процессах, которые нужно придумать, чтобы дешево превращать сульфат в соду и серную кислоту — основу всякой большой химической промышленности,— профессоры, специально приехавшие из Питера на это заседание, еще долго оставались у меня и оживленно, восторженно говорили о новой работе, о новых планах, а после, увлекшись, пошли домой не по панели, а по середине улицы. Они сами начинают увлекаться, а воодушевившись, начинают зажигать своих скептиков-коллег. Я знаю наших ученых. Ничего подобного я никогда еще не видел».

Из письма Н. П. Горбунова В. И. Ленину от 28 ноября 1918 года.

* * *

«...Владимир Ильич с присущей ему энергией и отзывчивостью принял личное участие в тех мерах, которые были срочно намечены правительством, и постоянно, с неослабным вниманием среди громадных своих работ он сознательно уделял время заботам о науке, твердо веря в ее громадное значение для жизни. Заботы эти были и о науке вообще и об отдельных научных учреждениях».

Из отчета о деятельности Российской Академии наук за 1923 год.

* * *

«...После начала войны с германским фашизмом он категорически отказался дальше работать в области «чистой» науки и хотел немедленно пойти на фронт. Пришлось применить самые резкие меры для того, чтобы убедить Курчатова остаться в институте. Тогда он потребовал такой работы, которая может принести пользу Красной Армии. Эту работу он получил и буквально героически ее провел в условиях боевой обстановки.

И. В. Курчатов принадлежит к той категории людей, которые готовы по первому зову партии и правительства отдать свою жизнь за нашу Родину».

Из характеристики, данной в годы Отечественной войны И. В. Курчатову дирекцией Ленинградского физико-технического института АН СССР.

* * *

«Разрешение научных вопросов, как и народнохозяйственных вопросов, связанных с наукой, может быть успешно осуществляемо только в том случае, если проводится коллективом из различных специалистов, одинаково настроенных, одинаково устремляющих свои работы к общей цели. В нашем государстве при построении коммунизма, при решении вопросов, связанных с переходом к коммунизму, нельзя замыкаться в работе, в лаборатории одному какому-нибудь исследователю. Успешное разрешение крупных научных задач может быть осуществлено только коллективным трудом.

Вместе с тем я должен сказать, что ученый должен до конца своей жизни все время учиться. На то он — ученый. Он должен не только учить, но сам должен учиться. Я особенно испытывал это все время...».

Из речи академика В. Н. Сукачева, произнесенной по случаю годовщины Института леса АН СССР.

Обелиск Славы.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото
Виктора СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»



Со смотровой площадки «Панорама» Ашхабад — как на ладони. Такое впечатление, будто добрый великан бросил гигантский ковер, край которого, ударившись о барханы Каракумов, взвихрил пески. Они грозно дымятся там, на северной и восточной окраинах города.

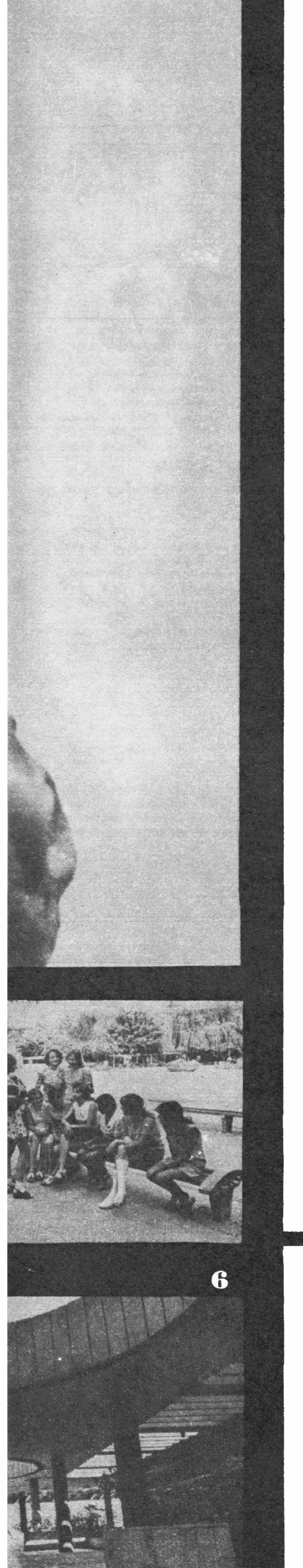
— Если быть точным, это уже третий ковер,— поддержал сравнение первый секретарь Ашхабадского горкома партии Шабасанов, недаром имя у него — Махтумкули, в честь великого туркменского поэта.— Первый даже не ковер, а желто-зеленый половичок, он был «брошен» еще на месте аула Асхабад в 1881 году, когда образовался административно-торговый центр Закаспийской области. После революции наш город стал настоящим ковром. Но, как известно, катастрофическое землетрясение двадцать семь лет назад уничтожило его почти полностью... Перед нами — новый Ашхабад. Сейчас город-ковер в два раза больше прежнего. К своему столетию в 1981 году он станет еще красивее!

Туркменский драматический театр и гостиница «Ашхабад».

На ковровой фабрике обеденный перерыв.

АШХАБАДОМ


1
2
3
4
5



Красота и величие... В этом воочию убеждаешься, глядя на крепко вставшие современные здания города, на корпуса известных всему миру своей продукцией «Ашнефтемаша» или стекольного комбината имени В. И. Ленина. А в Ашхабадском музее изобразительных искусств экспонируется натуральное (и вместе с тем высокопоэтичное!) творение нынешних туркменских умельцев — ковер размером почти двести квадратных метров и весом около тонны! Уникальное изделие это напоминает, что в жизнь некогда кочевого народа, разобщенного межплеменной враждой, существовавшего в постоянном страхе перед угрозой вымирания от нищеты и жестокого произвола баев и завоевателей, прочно вошло благоденствие и спокойствие.

По-борцовски упористо поднялись в небо бетонные громады отеля «Ашхабад», зданий Управления Каракумстроя, Государственной библиотеки на три миллиона томов, Выставочного зала Союза художников... Их автор, главный архитектор города Абдулла Рамазанович Ахмедов, сказал нам:

— Люблю бетон... Крепок, надежен и, право же, по-своему красив!

— А если смелее применять национальный орнамент?

— Применяем, но в меру. Проблемы архитектуры облицовкой не решишь. Это, так сказать, лишь костюм. Он должен быть к лицу. Главное же в самом здании, его назначении и общем ансамбле застройки. Вот над этим думаем и, естественно, спорим... Опыт строительства первых после землетрясения микрорайонов показал, что при проектировании жилья необходимо особо учитывать условия нашего климата. К тому же серийные дома-коробки «для всех климатов» при всей своей стандартности отнюдь не чудесные «гёли» — основные элементы, из которых состоят туркменские ковры...

Во всю ширь кабинета главного архитектора распластан красочный генеральный план Ашхабада. И хотя многоугольники новых микрорайонов обозначены на нем одним зеленоватым цветом, Абдулла Рамазанович весело воскликнул:

— Вот где простор для красивых и удобных домов-гёлей! Недаром говорится, что пустырь — лучший подарок предков будущим архитекторам!

Когда город еще дымился в развалинах после разрушительных подземных толчков, первый микрорайон был заложен... на ипподроме. Людям нужна прежде всего крыша над головой. Ныне же вся равнинная территория Ашхабада почти полностью застроена. Протянувшийся в песках Каракумский канал, Река жизни, как его благодарно называют в народе, позволил отвоевать для застройки немалые площади и у барханов. Но главное направление роста города теперь — на юг, в предгорья Копетдага.

Первый заместитель председателя Ашхабадского горисполкома Николай Васильевич Шереметьев, старожил города и строитель по профессии, отметил:

— Чем ближе к горам, тем ниже баллы сейсмичности! Породное основание прочнее. На равнине же грунтовые воды довольно высоки и пагубно действуют на структуру земли. В предгорье мы сможем строить и высотные здания, в девять и более этажей!

Гаудан... На этот предгорный район застройки ашхабадцы возлагают особые надежды. Здесь должны восторжествовать принципы всесторонне отлаженного комплексного строительства. В микрорайоне «Гаудан» будут жить тридцать тысяч человек — каждый десятый ашхабадец. Поэтому, тщательно оглядываясь на лучшие архитектурные образцы, здесь продумывают планировку жилья и всех культурно-бытовых объектов нового массива.

Масштабы благоустроительных работ в столице, как и в других городах и селах республики, растут из года в год.

— У работников Ашхабадского горсовета,— сказал Николай Васильевич Шереметьев,— по-прежнему много забот, связанных с жилищной проблемой. Форсируем пуск домостроительного комбината. За последнее время немало сделано и по озеленению города, реконструкции ирригационной сети. Лишь в нынешнем году на работы по благоустройству ассигновано около восьми миллионов рублей. Вместо котельных на жидком топливе, загрязнявших воздух, строим районные газовые.

— А как с водой в рекордно жаркой, самой южной республиканской столице?

— Возникла проблема большой воды! Раньше довольствовались подземными источниками, колодцами. А с приходом обильной амударьинской воды по Реке жизни приходится менять заборные трубы, узковат их диаметр! Да и отводить ее надо соответственно... Масштаб не тот! В городе два рукотворных моря, любимые места отдыха ашхабадцев — Куртлинское и Восточное водохранилища,—с пляжами, лодками, яхтами и даже чайками... Чайки над Ашхабадом! Неплохо звучит по соседству с Каракумами... Те, кто закладывал основы города, могли только мечтать об этом, а «кумли», жители песков, называют Ашхабад, что, кстати, в переводе значит «Город любви», «Городом воды».

Те, кто закладывал основы... Уже в начале XX века Ашхабад считался крупнейшим центром революционного движения. С ним связаны имена М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева. В начале двадцатых годов город именовался Полторацком, в память расстрелянного белогвардейцами первого народного комиссара труда Павла Полторацкого. На площади имени Карла Маркса ныне возводится монумент героям революции и гражданской войны в Туркменистане. А в нескольких минутах ходьбы от него, в центральном сквере, возвышается памятник В. И. Ленину, открытый еще в 1927 году. Его постамент любовно украшен узорами туркменских ковров из ярких майоликовых плиток.

Ашхабадцы свято чтут память героев Великой Отечественной войны. В городе возведен величественный обелиск Славы из розового туфа. Здесь и Вечный огонь...

Ашхабад — крупнейший промышленный, научный и культурный центр Средней Азии. Здесь пять вузов, тринадцать средних специальных учебных заведений, четыре театра, множество кинотеатров, музеев, библиотек. Среди научно-исследовательских институтов Академии наук Туркменистана — единственный в стране Институт пустынь.

...Вместе с редактором «Вечернего Ашхабада» Юрием Саламановым едем по четырнадцатикилометровому проспекту Свободы. Родом Юрий из Анапы, окончил Московский университет. Машина круто сворачивает к предгорью и мчится под зелеными кронами проспекта Ленина.

— Вы обратили внимание на целый ряд улиц, выходящих на проспект с юга?— спрашивает мой спутник.— Это же замечательная идея генплана: «зеленые каналы» для горного воздуха с Копетдага! Обычно говорят, что Ашхабад располагается между песками и горами. Впрочем, так оно и было. Теперь можно сказать — между морскими и горными ветрами. Вот летом, в сорокаградусную жару, выезжаем сюда подышать прохладным ветерком, пока решается проблема кондиционирования воздуха в зданиях. А решать ее для нашего климата надо кардинально. Время приспело...

Вечером городской «ковер», расцвеченный огнями — от ярко-красного до молочно-белого,— выглядит еще эффектней. И поскольку гёль — это геометрически стилизованное изображение орла, белого сокола и других птиц, перешедших в орнамент туркменских ковров с родовых печатей, мы легко находили в конфигурации огней Ашхабада архитектурные «гёли». Они напоминали распластавшиеся крылья чайки.

1. Таня Гафурова работает на киностудии.

2. Кафе «Сахра».

3. Счастья вам, молодые!

4. Памятник народному поэту Махтумкули.

5. Девичья скамейка.

6. Гармония современности.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

ПОЭТ О ЛЕН

Юрий ПРОКУШЕВ

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Сергей Есенин.

Осенью 1923 года, вернувшись из поездки в Европу и Америку, Есенин печатает в газете «Известия» свой зарубежный очерк «Железный Миргород».

Как откровение, как прекрасный закономерный итог неустанных, бескомпромиссных поисков поэтом высшей истины в годы революции звучит в нем взволнованный голос Есенина: «...я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве».

С именем Ленина, с политикой коммунистов связывает поэт теперь прежде всего те огромные социальные сдвиги и изменения, которые на его глазах происходили в жизни русского крестьянства. «Знаешь,— рассказывал Есенин в те годы писателю Юрию Либединскому,— я сейчас из деревни... А все Ленин! Знал, какое слово надо сказать деревне, чтобы она сдвинулась. Что за сила в нем, а?»

И вдруг страшный удар обрушился на молодую Республику Советов, на душу поэта! Умер Владимир Ильич Ленин. Перестало биться сердце великого капитана Земли.

«Мы, родные,— вспоминала сестра поэта Екатерина Александровна Есенина,— буквально не узнавали Сергея, так он был потрясен кончиной Ленина и всем происходящим в стране. Особенно он был потрясен и весь в буквальном смысле слова перевернут посещением Колонного зала, где был установлен гроб с телом В. И. Ленина ...Мы отправились туда под вечер. Пройдя в Колонный зал, мы встали в группу людей, стоящих чуть поодаль от ленинского гроба. Пробыли мы у гроба Ленина более часа. Все это время Сергей хранил глубокое молчание. Молчал он и по пути домой и дома. Горе поглотило все его силы».

...«Отрывок из «Гуляй-поля». Так назвал он свой первый, судя по всему, поэтический отклик на смерть В. И. Ленина. Завершенный тематически и «закольцованный» композиционно, этот отрывок воспринимается как целостное стихотворение — могуче, эпически звучащий реквием вождю революции:

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.

По мере того, как Есенин все больше и больше углублялся в работу над образом Владимира Ильича Ленина, все очевиднее, все яснее становится для поэта та непреложная истина, что в стихах и тем более в крупном эпическом полотне необходимо: и запечатлеть трагическую картину всенародной скорби, всенародного горя России, до глубины души потрясенной смертью Ленина; и передать атмосферу могучего всенародного единения в траурные январские дни, «Ильичевой республики Советов»; и, конечно же, рассказать о времени Ленина, о великой эпохе Октября; и при этом, самое главное, избегая голой риторики, суесловия, иллюстративности, воссоздать в художественном единстве образ Ленина — Вождя и Человека.

Именно в таком направлении ведет поэт свой поиск. В этом убеждает нас и черновой автограф Есенина «Повстанцы», который после авторской доработки и правки почти весь был включен Есениным в окончательный текст его ленинской поэмы. В трех предельно сжатых, емких главках «Повстанцев»: «Еще закон не затвердел...» (I), «Кто милость сильных не искал...» (II), «Шуми и вей! Крути свирепей, непогода...» (III),— уже многое было очень точно «схвачено», открыто поэтом принципиально, и по мысли и художественно, для его будущей Ленинианы.

Еще закон не затвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Петушье пенье, песий лай
Уж десять лет не слышит поле.

Уж десять лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.

Так масштабно-зримо, по сути дела, глобально и вместе с тем драматически, сразу

ТИФЛИССКАЯ ОСЕНЬ — 1924 ГОД

Николай СТОР

Телеграмма была из Баку от Иллариона Вардина:

«Встречай еду с гостем».

В полдень на тифлисском вокзале бакинский поезд встречали вместе со мной и два других секретаря Ассоциации пролетарских писателей Грузии, Бенито Буачидзе и Платон Кикодзе.

Первым из вагона вышел Вардин, вслед за ним легко спрыгнул на платформу молодой человек, блондин, с легким саквояжем в руке.

— Знакомьтесь,— сказал Вардин.— Я привез доброго поэта. Сергей Есенин. Принимайте его в свою компанию...

На извозчиках мы направились в редакцию «Зари Востока».

Работники редакции тепло встретили Есенина.

— Вардин уговорил меня,— сказал Есенин,— напечатать у вас «Песнь о великом походе». Но я не знаю, будет ли она понятна здесь.

И Есенин тут же, в редакторском кабинете, прочел наизусть свою «Песнь...». Последние строки.

Корабли плывут
Будто в Индию...—

были встречены шумными аплодисментами.

В течение двух дней подряд на первой полосе «Зари Востока» печатался необычный анонс, извещавший, что 14 сентября будет опубликована поэма Сергея Есенина «Песнь о великом походе».

Нужно ли говорить о том, что тираж этого номера газеты был значительно увеличен.

Ближе всего по духу и настроениям Есенину стали тогда участники литературной группы «Голубые роги». Среди них особенно полюбились ему Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Тициан Табидзе, Валериан Гаприндашвили.

Эта группа «голуборожцев» ежедневно встречалась с Есениным, сопровождала его во всех походах в серные бани, в Мцхети, была организатором двух есенинских вечеров в Тифлисе.

Одним из первых таких походов было «восхождение» на Мтацминду, или, как называли ее в Тифлисе, Давидовскую гору. И ныне красуется над грузинской столицей белокаменный собор — церковь св. Давида, рядом с которой находится пантеон крупнейших деятелей литературы и искусства Грузии.

Медленно поднимались мы по крутой улице. Навстречу попадались продавцы мацони, погонявшие своих перегруженных осликов, торговцы виноградом и фруктами, старушки с цветами на продажу.

Есенин купил несколько хризантем.

Во время одной из остановок («Давайте отдышимся немного») Георгий Леонидзе, показывая на небольшой двухэтажный домик, стоявший у самого края дороги, сказал:

— Здесь будет литературный музей... Мы уже собираем материалы... рукописи, портреты, комплекты старых журналов...

Есенин рассмеялся.

— Это только для начала можно,— шутливо сказал он.— Если на второй этаж поднимутся человек двадцать, то музей ваш развалится... Музей должен быть в центре, чтобы мрамор кругом был, зал человек на триста... а тут даже стихи читать негде, комнатушки, наверное, одни.

— Все будет, дорогой Сергей,— сказал Леонидзе,— все будет, и мрамор, и ваши стихи на грузинском языке... и Дворец поэзии будет.

Так, беседуя, останавливаясь на каждом повороте, мы дошли почти до церкви св. Давида. В подножии ее — грот и за железной решеткой могильные камни. Здесь похоронены Нино Чавчавадзе, дочь славного грузинского поэта начала прошлого века Александра Чавчавадзе, и ее муж, великий русский поэт А. С. Грибоедов. Есенин вцепился руками в решетку и медленно опустился на колени.

Когда мы собрались уходить, Есенин положил хризантемы к могильной решетке.

У самой церкви, которая, казалось, почти вплотную прижалась к горе Мтацминда, был

ИНЕ

же поэт вводит нас в самую суть исторических событий революционной эпохи.

Не случайно именно этими строфами, «чуть-чуть» их доработав, Есенин в дальнейшем открыл свою ленинскую поэму. Правда, это было то порой едва уловимое «чуть-чуть», которое у истинного художника завершает трудный, долгий путь рождения образа; то «чуть-чуть», после которого каждое слово в поэтической строке встает незыблемо, навечно на свое место. В самом деле, всего-то (!!!) и сделал поэт, что в окончательной редакции в первой строке вместо «не затвердел» поставил «не отвердел», слово «десять» (в двух строках) заменил словом «сколько» да еще поменял местами две строки. Кажется «пустяк», а как изменился смысл **всех трех** строф, масштабность исторических событий, о которых идет речь, как возросла сила эмоционального воздействия, лирической напряженности всего отрывка.

Тревога за судьбу Родины, за будущее России, гражданская, нравственная сила, глубина мысли, лаконизм, действенность этих строк потрясающе поразительны.

Взору поэта открывалась главная правда революции — правда Ленина, а вместе с ней открывались и иные дали восставшей России. Впервые именно в «Повстанцах», во второй главе «Кто милость сильных не искал...», Есенин решается не только поставить со всей определенностью далеко не простой и праздный по тем временам вопрос: какою силою удалось Ленину «потрясть шар земной»? Он стремится теперь выразить свои чувства, свое **личное** отношение к Ленину, свои раздумья о великой роли этого Человека в судьбах России. Поэт ставит перед собой едва ли не самую трудную и сложную задачу, которую ему приходилось, как художнику и гражданину, решать в годы революции, задачу новаторски дерзкую и смелую: рассказать о героизме и нарисовать не иконописный, а живой портрет Человека, который сумел свершить, казалось бы, человечески невозможное — «вздыбить всю нашу планету».

Основное, к чему при этом стремится Есенин: высветить такие черты ленинского характера, найти такие поэтические краски, такие слова, которые давали ему возможность выразить и передать с предельной лирической силой главное в Ленине и прежде всего **величайшую ленинскую простоту.**

Наибольшее количество вариантов, наибольшую авторскую правду содержит третья строфа второй главки «Повстанцев», несущая едва ли не самую большую идейно-смысловую нагрузку. В ней Есенин попытался по-своему искренне, исповедально, как он это умел делать в своих лирических стихах, непосредственно выразить с в о е л и ч н о е отношение к Ленину, показать, чем он л и ч н о ему, Есенину, дорог и близок, чем покорил его душу, чем волнует его сердце.

Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре...

...«Ключ» к открытию ленинского образа — своего, неповторимого, есенинского — был найден. Свободно, раскованно, легко рождались одна за другой следующие строфы:

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,—
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...

Это был Ленин Есенина. Вместе с тем это был Ленин каждого из нас; глубоко народный, вечно живой образ самого «человечного человека», который «прост, как правда»,— тот образ Ленина, который в наши дни знает и носит в своем сердце каждый честный труженик земли.

«Отрывок из поэмы»—под таким неброским, как бы ни на что пока не претендующим, обычным рабочим названием печатает Есенин весной 1924 года свою ленинскую вещь. Это, по существу, уже был не «Отрывок», а близкий к окончанию вариант будущей ленинской поэмы Есенина. Внеся в этот вариант, по сути дела, одно очень важное, принципиальное дополнение, поэт публикует его весной 1925 года на Кавказе в своей новой книге «Страна советская», теперь уже под определенным и ко многому обязывающим названием,— «Ленин» (из поэмы «Гуляй-поле»).

Пройдет еще немного времени, и Сергей Есенин в «Анне Снегиной» расскажет об огромной вере России крестьянской в Ленина — «старшого комиссара» Советской власти и о том, какою силой вождь революции сумел «потрясть шар земной».

Характерна в этом плане и впечатляюща художественно одна из «ключевых», вершинных сцен «Анны Снегиной» — сцена большого эпического дыхания и истинной народности, когда радовские мужики, настойчиво «пытая» своего земляка — героя поэмы — о самом главном и насущном для них в революции, спрашивают:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

«Он — вы». Эта предельно лаконичная, афористическая фраза полна глубочайшего внутреннего смысла. Она — свидетельство подлинного историзма, подлинного понимания поэтом в годы создания «Анны Снегиной» народного характера Ленина, народности его политики, взглядов.

«Он — вы». Это и ответ героя «Анны Снегиной» крестьянам и в еще большей степени ответ поэта самому себе. Это великое открытие поэтом для себя сути Ленина, его революционного дела, его бессмертных идей.

Именно этим открытием, этим ленинским светом, этим высочайшим гражданским убеждением «Он — вы» — проникнуты «Песнь о великом походе» и «Баллада о двадцати шести», «Поэма о 36» и «Капитан Земли» и другие революционные вещи поэта, в которых получает свое дальнейшее развитие Лениниана Сергея Есенина.

источник, и люди поочередно припадали к нему.

Многие поднимали у источника какие-то камушки и шли с ними к церковной двери.

— Что они делают?— спросил Есенин.

— Это, знаете ли, такое поверье,— сказал Тициан Табидзе.— Поднявший камушек трет им по двери, и камушек пристает к ней. Тогда начинают считать... раз, два, три... Вот сколько насчитаешь, столько лет тебе еще жить.

— Это интересно.— Есенин рассмеялся.— Сейчас узнаю, сколько мне еще осталось...

Он взял небольшой камушек и поводил им по двери. Потом отнял руку и стал считать:

— Раз...

Камушек упал. Все расхохотались.

— Теперь я попробую,— сказал Паоло Яшвили. Он выбрал плоский камушек и начал, не жалея сил, тереть им по церковной двери.

— Раз, два, три,— считал Есенин,— четыре, пять...

Счет окончился на тринадцати. Через тринадцать Паоло Яшвили не стало... Впрочем, всё это совпадения, как и невезучая цифра «тринадцать».

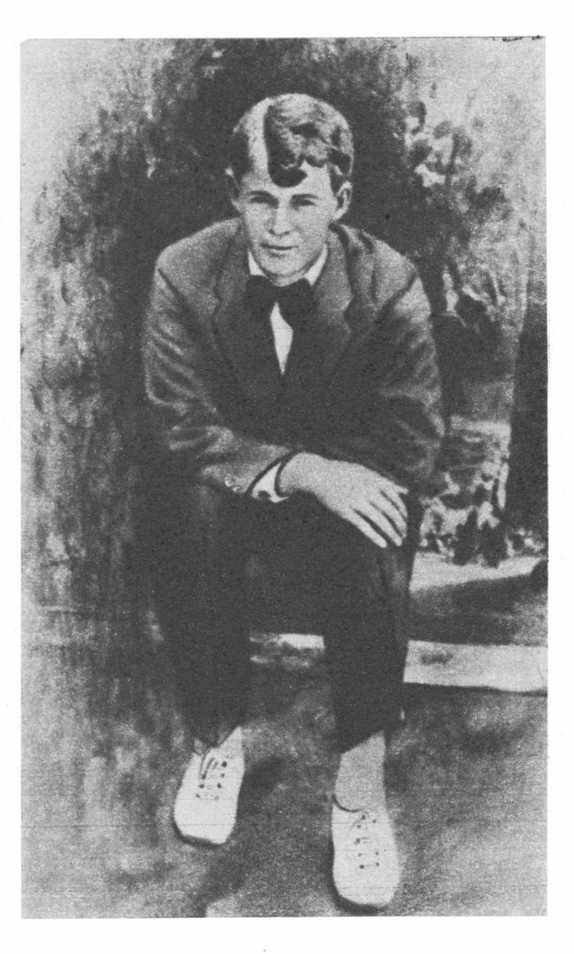
У церкви св. Давида одна-единственная остановка фуникулера. Там мы сели на «вертикальный трамвайчик» и поднялись на вершину Мтацминды.

Есенин был поражен открывшейся панорамой.

— Мне понятно сейчас,— сказал Есенин,— пушкинское «Кавказ подо мною. Один в вышине...».

Через несколько дней после восхождения на Давидовскую гору, во время ужина в ресторане «Химерион», Есенин прочел только что написанное им стихотворение «На Кавказе».

В подвальчике было, как всегда, многолюдно. За «поэтическим» столом сидели В. Гаприндашвили, П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, режиссер К. Марджанов, писатель и артист Ш. Дадиани, Коля Шенгелая, впоследствии ставший отличным кинорежиссером.



Есенину пришлось дважды прочитать свое стихотворение.

И когда он вновь начал читать, все, кто был вокруг, поднялись и стоя прослушали эту есенинскую исповедь:

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Читал Есенин необычайно выразительно, четко, музыкально. Он привораживал слушателей образным словом, его напевностью.

Когда прозвучали последние строки:

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной»,—

к Есенину подошел Котэ Марджанов и, вытирая платком глаза, обнял его и восхищенно сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Какой художник! Богатырь! Я давно хотел сказать вам, может, стоит поработать и поставить на сцене вашего «Пугачева». Как вы смотрите на это?

Уже сидя за столом, Есенин ответил:

— Боюсь, что мой «Пугачев» будет для вашего театра не той пьесой... У меня это для чтения... Когда я писал «Пугачева», я думал не о театре...

Расходились в пятом часу утра. В гостинице «Ориант» на диване у администратора ожидал Есенина художник Костя Соколов.

— Я приехал за тобой,— сказал он.— Чагин меня послал... В Баку готовятся отметить день гибели бакинских комиссаров... Так что твое участие обязательно...

Вечером мы провожали Есенина и Соколова в Баку.

Публикуется впервые

Сергей **ЕСЕНИН**

НАРОДНАЯ

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСЕНКЕ МАТЕРИ

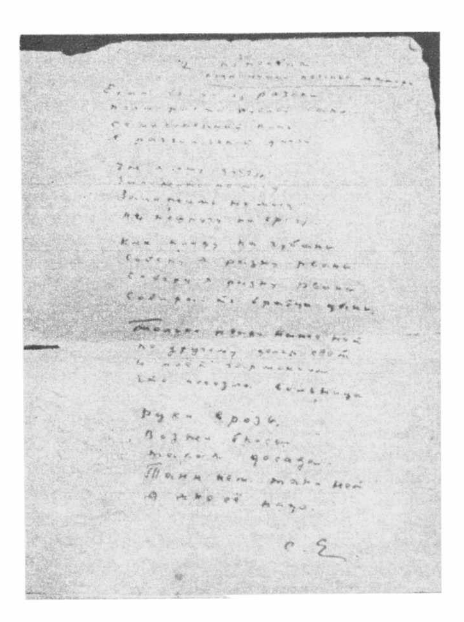
Ехал барин из Рязани,
Полтораста рублей сани.
Семисотенный конь
С раззолоченной дугой.

Уж я эту дугу
Заложить не могу.
Заложить не могу
Ни нéдругу, ни врагу.

Как поеду на губань,
Соберу я разну рвань.
Соберу я разну рвань,
Собирайте, братцы, дань.

Только рвани нынче нет,
По-другому сделан свет.
И поет гармоница,
Что исчезла вольница.

Руки врозь,
Вожжи брось.
Такая досада.
Тани нет. Тани нет,
А мне ее надо.



Прочтя этот стихотворный набросок, наверное, каждый вспомнит о Татьяне Федоровне Есениной, которой будущий поэт немало обязан своей любовью к песенной народной стихии, представит себе долгие зимние вечера в заснеженном Константинове... А написаны эти строки в Баку, в погожие осенние дни 1924 года.

Сергей Есенин тогда был в тесной дружбе с П. И. Чагиным, редактором газеты «Бакинский рабочий», на полосах которой печатались многие из лучших есенинских созданий последнего периода творчества поэта. В чагинском архиве сохранились подлинники некоторых из них, в том числе стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», много есенинских записок, автографов.

Уцелел и этот полуистершийся листок, фотографию которого можно здесь увидеть. Цифра «2» перед заголовком наброска — порядковый номер. У меня же хранится первая страничка этого есенинского черновика.

На ней общий заголовок «Форма» и подзаголовок «Свое», затем идут стихи:

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?

Под заглавием «Форма» они вошли в пятитомное собрание сочинений Есенина. Думается, прав был Петр Иванович Чагин, когда писал: «Заглавие «Форма» вызывает полное недоумение — оно никак не вяжется с содержанием стихотворения, не корреспондирует ему. Между тем листки — это творческая лаборатория поэта, письменное свидетельство его работы над формой, его упражнение в большом деле».

М. А. ЧАГИНА

С ИМЕНЕМ ЕСЕНИНА

В двадцатых годах в Москве на улице Герцена было кооперативное издательство «Новая жизнь». Сюда частенько захаживал Сергей Александрович Есенин. Однажды летом 1924 года он пришел вместе со своим приятелем, поэтом Николаем Савкиным.

Разговор зашел о возникшей у Есенина идее — создать в России общество литераторов и художников с издательскими функциями.

Есенин сказал, что задумал новое издательство для помощи молодым литераторам, которые одолевают его просьбами о творческой поддержке, о содействии в издании, о публикации. Есенин заключил свой рассказ утверждением, что создание такого издательства — его общественный и литературный долг. А всеми производственно-хозяйственными делами, добавил он, будет заниматься Николай Петрович Савкин.

— Как же вы думаете назвать общество и издательство?— спросили поэта.

— «Современная Россия»,— с гордостью ответил Есенин.

«...Москва, 1924 года, августа 4 дня. Протокол № 1 организационного собрания общества «Современная Россия». Члены организационной группы: Большаков К., Грузинов И., Голубовский, Есенин С., Орешин П., Савкин Н., Сидоров-Окский, Скворцов А., Топорков А., Якулов Г., Якушкин Я. Председатель правления Савкин. Секретарь Грузинов. Слушали: 1. Об организации общества литераторов и художников «Современная Россия». Постановили: организовать общество литераторов и художников «Современная Россия» с целью выявить в искусстве современный быт, революционный труд и классовую борьбу пролетариата за свое освобождение, а также удовлетворить материальные и духовные потребности членов на началах взаимопомощи...»

Это протокол первого заседания общества. Хранится он наряду с другими книгами и документами, связанными с именем Есенина, у Л. Б. Фридмана, бывшего издательского работника. На большинстве из них — подпись поэта красными чернилами (так обычно подписывал он особо важные для него бумаги).

Вот еще две записки: одна написана рукой поэта, вторая непосредственно связана с его именем. Адресованы они Н. П. Савкину. Привожу их с разрешения владельца:

«Дорогой Коля!
Благодарю тебя за все теплое отношение ко мне. Приветствую жену твою. Был бы рад, если заглянул когда.
С любовью жму руку.
Сергей Есенин. 14.I.24».

«Николай Петрович!
Непременно принесите удостоверение в том, что С. Есенин сотрудник издательства «Современная Россия», и укажите, сколько получает (15—20 червонцев) — это надо, чтобы отдать Шуру в школу, без этого ее не принимают. Сделаете сегодня же? Ладно?
Г. Бениславская. 6.10.24».

Сергей Есенин специально для выпуска в «Современной России» готовит книгу стихов и поэм под названием «О России и революции». Книга вбирает в себя наиболее патриотические, наиболее гражданские произведения Есенина, который понимал, что все в этой книге, от названия до подбора стихов, должно звучать современно, революционно.

Спустя несколько месяцев в «Современной России» выходит одна из лучших книг поэта — «Персидские мотивы».

Он выпускает эти сборники в «Современной России», несмотря на то, что издательство выплачивает ему скромные гонорары. Есенину хотелось поддержать, вскормить свое детище, дать ему силу, указать дорогу, по которой следует идти.

А вот предо мною состарившаяся от времени книга. Связана она с именем Есенина и его друга, поэта Евгения Сокола, оставившего о своем великом собрате искренние воспоминания.

О своем знакомстве с Есениным, об истории их отношений Е. Сокол написал в сборнике «Памяти Есенина», изданном Всероссийским союзом поэтов в 1926 году и ставшем ныне библиографической редкостью. Экземпляр, хранящийся у Л. Б. Фридмана, имеет тиснение: «Экземпляр № 5. Принадлежит Ответственному Секретарю и Председателю Академических Собраний ВСП Евгению Григорьевичу Соколу».

Как только Сокол узнал о смерти своего друга, он загорелся желанием почтить его память изданием сборника воспоминаний о Есенине. Е. Сокол торопился — скорее, скорее, пусть люди узнают о Есенине правду, пусть полюбят его так, как любил его он сам. Материалы от друзей и почитателей таланта Есенина он соберет, но вот издать книгу, набрать, напечатать ее сложнее,— она не включена в план типографии.

Созвали собрание рабочих. На нем Евгений Григорьевич рассказал о значении творчества Есенина для советского народа.

Первым выступил рабочий-наборщик. Он сказал, что готов немедленно приступить к работе в неурочное время. Это честь — принять участие в таком издании. Сергей Есенин, сказал он, наш русский национальный поэт. Я помню его строчки: «Мать моя Родина, я — большевик».

Корректор сказал: «Есенин — мой коллега. Он работал корректором в типографии Сытина, принимал участие в подпольной работе против царизма. Я готов к работе».

Рабочий-печатник заявил: «Я рязанский. Есенин — мой земляк. Никто так не воспевал природу Рязанщины, как он. Я буду работать внеурочно».

Все выступающие, а их было шесть человек, призвали выпустить книгу «Памяти Есенина» в самые короткие сроки.

Так вышла первая книга о Есенине, где с большой теплотой и любовью рассказано о великом русском поэте.

Ф. МЕДВЕДЕВ



СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Акварель художника А. Яр-Кравченко



БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК

16—22 сентября Киргизия радушно принимала гостей — участников Дней советской литературы.

Открытие состоялось 16 сентября во Фрунзе, во Дворце имени В. И. Ленина. В президиуме — члены ЦК КП Киргизии, министры, партийные работники, секретари правления Союза писателей Киргизии, видные деятели литературы и искусства республики. Тепло были встречены посланцы литератур народов нашей страны во главе с секретарем правления СП СССР А. Б. Чаковским. Собрание открыл первый секретарь Фрунзенского горкома партии К. М. Молдобаев. Гостей сердечно приветствовал выступивший с речью первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев. «Мы рассматриваем Дни советской литературы в Киргизии как большой и радостный праздник, как крупное событие в общественно-политической и культурной жизни, как новое проявление крепнущей дружбы братских советских народов»,— сказал он.

В этот же день состоялось возложение венков к памятнику В. И. Ленину, к монументу павшим в борьбе за Советскую власть в Киргизии, к памятнику великому акыну Токтогулу Сатылганову; был заложен памятник основоположнику советской литературы М. Горькому.

Потом гости разъехались по разным уголкам Киргизстана. Они встречались с тружениками полей, чабанами, гидростроителями, рабочими, учеными, студентами. Оживленны были беседы. Основная тема их — завершение пятилетки, ее итоги, новые задачи, которые поставит XXV съезд партии. Во многих районах состоялись литературные вечера.

В заключение Дней советской литературы в Киргизии прошло торжественное собрание в Киргизском академическом театре оперы и балета.



Писатели Чингиз Айтматов, Александр Чаковский и заместитель Председателя Совета Министров Киргизской ССР С. Б. Бегматова на встрече с читателями.

Еще одна встреча. Фото В. Крохина



гастроли

«ЛУЧАФЭРУЛ» В МОСКВЕ

Молдавский театр «Лучафэрул» существует уже пятнадцать лет. Говорю «уже» с некоторым изумлением, потому что, кажется, совсем недавно группа молдавских студентов, воспитанных народной артисткой РСФСР Анной Алексеевной Орочко, покинув стены театрального училища имени Щукина, вступила в самостоятельную, яркую творческую жизнь. И когда по истечении нескольких лет «Лучафэрул» приехал на двухнедельные гастроли в Москву,— с особым вниманием, даже придирчиво, мы смотрели его спектакли, наблюдая за игрой хорошо знакомых актеров. И сравнивали: что было и что стало...

Листая программки театра, видим, что произошли изменения в составе труппы; с сожалением узнаем, что нет некоторых «стариков» «Лучафэрула», в том числе талантливого режиссера и актера Иона Унгуряну; с ожиданием читаем имена новых, молодых актеров,— многих тоже выпустило щукинское училище.

«Лучафэрул» привез спектакли старые и новые, которые за короткое время гастролей смогли бы всесторонне познакомить московских зрителей и с актерским ансамблем, его возможностями, и с режиссурой, и с общей идейной направленностью театра, его творческого поиска. Главный режиссер «Лучафэрула» Сандри Ион Шкуря и режиссер Илие Тодоров представили на наш суд свои работы.

Просмотрев «Землю» И. Подоляну, «Папашины игрушки» Д. Урнявичуте, «Дом Бернарды Альбы» Ф. Г. Лорки в постановке Сандри И. Шкури, убеждаемся, что главный режиссер театра по-прежнему верен себе, стараясь как можно ярче и острее выявить индивидуальность актера, дать ему возможность наиболее полно раскрыться в той или иной характерной для него роли...

В «Земле», например, мы встречаемся с Еудженией Тодорашку и Думитру Карачобану — актерами, чей мудрый и могучий талант заставляет нас, несмотря на некоторые просчеты драматургии, взволнованно принимать все происходящее на сцене. Е. Тодорашку создает в «Земле» образ крестьянки Аргиры, женщины темной, забитой, порой смешной, порой пугающей



«Земля». Г. Ротэраш — Игнат и Д. Карачобану в роли Агаке. Фото М. Строкова

своей одержимостью. Она никак не может и не хочет понять, зачем ее мужу Агаке (Д. Карачобану) понадобилось вступать в колхоз, и яростно этому противится. Косвенная тому причина — ее единственный сын, явно не желающий примириться с Советской властью, а Аргира — Тодорашку прежде всего мать. И нет для нее ничего дороже сына, и она свято, а в то же время слепо пытается его защитить, выгородить, спасти... Образ и комедийный и трагический. И глубоко народный.

Столь же психологически сложен и противоречив Папаша в исполнении Карачобану («Папашины игрушки»). Странный человек возникает перед нами: хмурое, неприветливое, точно из камня высеченное лицо, сгорбленная фигура, а в руках — игрушки, которые он все время мастерит, чтобы «дети не плакали». Он проповедует Добро. Как-то болезненно проповедует. Назойливо. Слушая его речи, пытаешься понять, отчего же так неестественно звучат они в устах этого человека. И вдруг замечаешь, что в глазах его навсегда застыли страх, ужас. Стыд. Что-то гложет его, не дает жить. Да и умереть спокойно тоже не дает! Великолепная игра Карачобану подготавливает нас к тому, что мы в конце концов узнаем о Папаше. Он преступник. И нет ему покоя, нет прощения.

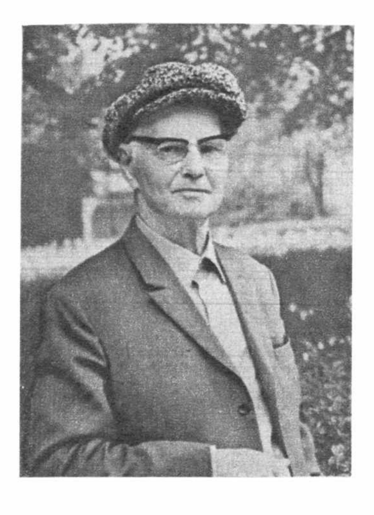
Главное в режиссуре И. Тодорова («Оптимистическая трагедия» и «Недоросль») — поиск новых форм, новых средств выражения мысли, неожиданных актерских решений. Очень скупо и лаконично оформлены его спектакли художником Н. Андронатием. В «Недоросле» это всего несколько больших дощатых дверей, за которыми царит жуткая, «могильная» чернота. Нравственно уродливые люди-призраки скользят из двери в дверь: Скотинин, Простакова, Митрофанушка... Они ненадолго появляются, чтобы лишь напомнить о себе, о своем бывшем существовании нам, живущим на этой прекрасной и светлой земле. И вновь исчезают — уже навсегда. А с ними как бы навсегда уходят во мрак невежество, жестокость, тупоумие, ханжество...

Правда, И. Тодоров иногда слишком увлекается «поиском новых форм». Местами они начинают преобладать над содержанием, подчиняя себе и сковывая актеров; тогда действие становится статичным, затянутым и словно не в полную силу сыгранным актерами. Но эти просчеты не умаляют общие достоинства постановок режиссера, отмеченных талантом и оригинальной мыслью...

...Да, прошло 15 лет. Но театр по-прежнему молод — в хорошем смысле этого слова. Впереди большая творческая жизнь. И для таких замечательных актеров, как Е. Малкоч, П. Завтони, В. Избещук, Н. Мокряк, В. Зайчук, В. Константин, С. Харет и других, она обещает быть интересной и разнообразной, не говоря уже о молодежи «Лучафэрула». Впереди новые встречи с классикой и с советской драматургией. Кстати, хотелось бы в репертуарной афише театра видеть больше имен современных авторов.

Н. АЛЕКСЕЕВА

◄ Мой край, задумчивый и нежный... Фото М. Савина



Степан ЩИПАЧЕВ

ИДУ ПО ГОДАМ

ГРОЗА НАЧАЛАСЬ...

В июне у лета экзамены
на зрелость, чтоб люди добром
потом вспоминали.
Каменно
по небу катается гром.

Гроза началась, как обещано
во всех передачах дневных.
Из тучи, из огненной трещины —
две капли
почти ледяных.

А РОЖЬ — МОЛОДАЯ...

Все поле и поле.
От пыли бела
дорога
меня
к этой ржи привела.
Задумался.
Об урожае гадаю.
А рожь — молодая,
девчонки-подростка, пожалуй,
не больше. Ко мне подбежала.
Мнет ветер зеленые рукава.
Бровей колоски проступают едва.

27 ИЮНЯ

Тут нету спору, нету спору.
Все до поры, все до поры.
Вот лето шло все в гору, в гору
и вдруг... минутою — с горы.
Еще вблизи, где и не круто,
но скоро — эхом станет весть.
Ах, эта малая минута,
она и в жизни нашей есть.

ВОТ ГУСИ БЕЛЫЕ!

Вот гуси белые!
Во сне.
Но вот они!
Теряют перья
на поскотине.

Я эти перья — посылала мать —
искал, по лугу бегал за околицей.
Люблю щекой подушку приминать,
пускай перо сквозь наволочку колется.

А засыпаю — под щекой рука.
Должно быть, с детства так рукою делаю
Но легок сон. Мне снятся облака
и те, из детства,
гуси белые.

Ах, гуси белые!
Во сне.
Но вот они!
Теряют перья
на поскотине.

СЕНТЯБРЬ

С ленцой, никто не гонит,
несытые и сытые
бегут по шляху кони,
где яблоки рассыпаны.

Заснял, придумал это
сентябрь — никто другой.
Уж отпылало лето.
В садах стоит покой.

Полуторки. Бензинный
курчавится дымок.
Душистые корзины
грузить сентябрь помог.

С ленцой, никто не гонит,
такой был уговор,
бегут по шляху кони
гнедые на подбор.

Лишь горизонт разрознит
сады, где синь озер.
Сентябрь тут и колхозник
и кинорежиссер.

Уж кадры не пустые.
Их люди сберегут.
По яблокам гнедые
на них бегут, бегут.

ОЙ, ТАК ОБМАНУТЬСЯ!

Мне путает ноги
вечерней поземки игра.
Ой, так обмануться!
Где мерзнут продутые ивы,
мне вдруг показалось:
за снежною грядкой бугра
встает на дыбы
красный конь с зороною гривой.
А это —
пламя костра.

Я МЫСЛЬЮ ОПЯТЬ УНОШУСЬ ТУДА...

Я мыслью опять уношусь туда,
где свет посылает звезде звезда,
где на крутобоких орбитах планет
мирам обитаемым счету нет,
где так же, как наши, горячи сердца
и кто-то от звезд не отводит лица,
в глухую полночную бездну глядит
и к мысли моей так же мыслью летит.
Я мог бы его разглядеть как-нибудь,
да слишком пылит Млечный Путь.

ИДУ ПО ГОДАМ...

Что страхи электрокардиограмм!
Иду по годам, как идут по горам.

Раскрыта душа, как под ливнями поле.
От боли — таблетку, не боле, не боле.

Не думайте, я в бодрячка не играю.
Все знаю — иду у обрыва по краю.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Пускай не все мне по плечу,
тут жар не стынет.
Язык политики учу,
ее латыни.

Приметит поле и жилье.
Она такая.
Я в иероглифы ее
опять вникаю.

О чем бы ни писал, не мне
ее чураться.
Погранзаставы. К тишине
вниманье раций.

В стране известно: это там,
под желтым небом.
Иным солдатским матерям —
все сны об этом.

ВОТ СЛОВО...

Вот слово, а это — названье цветка
звезды, что в себе отразила река.

Вот слово, а это — родная страна
далекими предками им названа.

Вот слово, а это — планета людей
им мир защищает с трибун, с площадей.

Ой, сколько их, слов, льются шумной рекой!
Ищу, от которых светло над строкой.

Юлиан **СЕМЕНОВ**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ТРЕТЬЯ КАРТА

В это время и появился на политической арене Рико Ярый.

Обер-лейтенант австро-венгерской армии, он был рожден в семье австрийского чиновника, женатого на онемечившейся польке. Австрийский офицер, знавший сызмальства украинский, чешский и венгерский, как свой родной немецкий, Рико Ярый воевал в Италии, отступил вместе с разбитыми частями габсбургской армии, а после недолгой стажировки в генеральном штабе начал организовывать первые кавалерийские части «Украинской Галицийской Армии». После того, как Пилсудский разгромил австрийских галичан, Рико Ярый ушел в Чехословакию. Там, в Закарпатье, кавалерийские части эти были превращены в «рабочие батальоны», которые при более пристальном рассмотрении оказались шпионско-диверсионными объединениями, работавшими и против Советской Украины и против Польши.

Когда кончилась великая монархия Габсбургов, кончилась и не успевшая еще толком начаться карьера Ярого, и обер-лейтенант узнал, что такое нужда, голод и холодная каморка у ворчливых хозяев. Там, в Закарпатье, бывший королевский офицер, занимавшийся организацией диверсионных вылазок, встретил изумительной красоты девушку — дочь местного богатея, корчмаря, главы еврейской общины. Юная Суламифь приняла католичество, взяла немецкое имя, скрыла кровь отца своего и вышла за Ярого. С той поры, меняя хозяев, предавая идеи и принципы, он не изменял одному лишь человеку — своей Суламифи.

В Чехословакии делать было нечего. В Вене пахло плесенью — монархия кончилась, как видно, навсегда. Относясь к числу людей смекалистых и быстрых, Ярый отдавал себе отчет в том, что труп уже не гальванизируешь. В Германии грохотали социальные бури. Громы и молнии метал молодой фюрер национального социализма — Адольф Гитлер, живописец, оратор, фанатик, говоривший открыто в отличие от всех других: «Коммуниста утихомирит только одно — виселица». И Ярый поехал в Мюнхен — надо же откуда-то начинать!

Он доказал свою нужность армии, принимая участие в разгроме коммунистических демонстраций. Он познакомился с Ремом и Штрассером — соратниками фюрера. Он скрывал эти знакомства от армейских командиров: Гитлер был тогда вне закона. Но дальним умом своим он понял, что за этими молодыми людьми будущее, ибо они не смирились. Они открыто требовали пересмотра Версаля и призывали германцев к столь угодному им порядку. А порядок может дать лишь личность. Такой личностью в Мюнхене считался Адольф Гитлер.

Именно тогда Рико Ярый получил задание от молодого националистического движения открыть рейхсверу свое знание славян вообще, а украинцев в частности.

Именно тогда в Германии с ведома и одобрения рейхсвера, при его финансовой помощи была создана «УВО» — «Украинская военная организация». И первым ее командиром был полковник австро-венгерской армии Евгений Коновалец. Коновалец искал силу и деньги. Полковнику силу и деньги дал офицер той же бывшей армии Рико Ярый. Деньги, естественно, были даны не впрямую, не так, как их брезгливо суют мелким агентам. Аккуратно, с соблюдением секретности, через голландские и бельгийские банки, при осторожном посредничестве украинского миллионера Федака деньги рейхсвера пошли в карман Коновальцу.

Парадокс заключался в том, что второе отделение польского генерального штаба — стратегическая разведка Пилсудского — так же поддерживала украинских националистов, действовавших в Польше, рассчитывая обратить их против Советов. Поэтому полиция не мешала появлению ячеек, никого из «бандюков местного значения» — кулаков и поповичей, — не арестовывала, намечая при этом к вербовке наиболее серьезных украинских функционеров.

Пилсудский, однако, забыл притчу о том, как опасно выпускать джинна из бутылки. Он только-только стал лидером нового государства, и вопрос оформления долгосрочной политической концепции оставался для него открытым. Избыточная же антисоветская эмоциональность помешала маршалу серьезно изучить украинскую проблему. А она, как выяснилось, могла быть изучена с двух сторон, учитывая разность европейских интересов.

Стратегический замысел берлинских генералов был понятен. В свое время не вышло с Россией, но появилась Польша, земля, входившая в сферу стратегии «дранг нах остен». С Россией приходилось считаться — политики заключили с Кремлем рапалльский договор, и армия вынуждена была на определенном этапе подчиниться правительству, свернув открытую антисоветскую подготовку. Что ж, армия готова подождать: не умеющий отступать никогда не сможет перейти в наступление. Не вышло пока что с Россией — почему не попробовать с Польшей! И кулаки, поповичи, помещики, банкирские сынки загомонили вдруг о «самостийной и незалежной». О той, где Петлюра и Скоропадский проходились шомполами по спинам украинских крестьян. О той, где украинские белогвардейцы отбирали хлеб и скот для вильгельмовской армии. Люди Коновальца приходили из-за кордона, от «головного провода» (главное руководство) ОУН, приходили (не открывая, естественно, что «головной провод» находился в Берлине и существовал на гитлеровские деньги), говорили о будущем, о том, как придет «самостийная» власть; а уносили эти люди из «края» сведения чисто шпионского характера, которые поначалу обрабатывались Рико Ярым, а потом ложились в сейфы генерального штаба рейхсвера — полулегального, но тем не менее существовавшего.

В тридцатом году, когда Гитлер вышел из подполья и старый маршал Гинденбург начинал все более внимательно присматриваться к ефрейтору, когда пропаганда национал-социалистов открыто призывала к акциям против Востока, когда «Майн кампф», обосновавшая необходимость захвата территорий на Востоке, продавалась в каждом книжном магазине (а боевикам НСДАП раздавалась бесплатно, чтобы с помощью «цитат из великого откровения национал-социализма обращать в новую веру заблудших»), армия приняла наконец решение, которого так ждал Коновалец: хозяева приказали работать. Ставка — террор. И прогремели выстрелы по городам и весям Западной Украины. Молодые оуновцы (были среди них и обманутые крестьяне, но мало их было, единицы), веруя в то, что сражаются они за независимость, начали палить по польским генералам и губернаторам. Пилсудский ответил так, как было спланировано в Берлине, — ввел в Галиции и на всей Западной Украине оккупационный режим, прошелся мечом по украинским селам. Сухой пороховой запал дал пламя на границах с Советами, ситуация в Европе накалилась, а именно это и было нужно нацистам, рвавшимся к власти.

Это же выгодно было и Пилсудскому: развязаны руки — можно вешать и стрелять без суда и следствия, можно карать всех тех, кто был против его военной диктатуры, — поляков-коммунистов в первую очередь.

Однако шеф оуновского руководства в Западной Украине Головинский при встрече с человеком от Коновальца дал понять, что те националисты, которые скрываются в Польше, должны иметь программу на будущее. (А как ее объявишь, программу, если просто-напросто требовалось Берлину ослабить изнутри режим Пилсудского, расшатать его и подготовить — в удобный и благоприятный момент — к вторжению извне, чтобы немецкая армия могла выйти к рубежам России.)

В тридцать третьем году, через два месяца после прихода к власти Гитлера, в Берлине состоялось совещание, на котором, помимо Коновальца и Ярого, присутствовали чины СС, абвера и гестапо. Бледный от волнения Коновалец хрустел пальцами. «Советник» Ярый, получивший чин в СС и назначенный куратором «украинского вопроса», похлопывал Коновальца по колену, словно добрый отец, выведший наконец сына в люди. Впрочем, и он волновался, ибо в люди-то он вывел себя, сделав в свое время точную и далекую ставку на другого.

Коновалец, считавший, что сейчас наконец сбудутся его мечты, не ведал, что за три дня перед этим совещанием у одного из помощников Гейдриха состоялось иное, узкое, на котором была сформулирована «теория стратегического обмана».

«Играйте украинскими шалунами, — говорил эсэсовцам штандартенфюрер Риче, — посулите им Киев как столицу, обещайте создание

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—39.

независимой Украины. Встречаясь с казачьими эмигрантами, предлагайте им создание великого государства от Запорожья до Волги — мы порвем все соглашения, когда восторжествует мировая идея германской расы. Обман в данном случае будет прощен провидением, ибо мы обманываем белорусских, украинских, русских «недочеловеков», заселяющих плодороднейшие земли и владеющих несметными запасами руды и угля. Все, что угодно, лишь бы отторгнуть Украину от России. Пусть они верят нам, пусть верят. Лишь бы делали то, что угодно интересам богоизбранной расы немцев. История нам простит все, если мы свершим задуманное... Увлекайте их идеей национализма: в столкновении с нашей расовой теорией любой национализм исчезнет, испарится, как лужа под ясным полуденным солнцем. Помогайте им сформулировать требования: «самостийность», «соборность» — любые их бредни должны быть оформлены в доктрину с помощью наших экспертов. Чем громче они будут сейчас заявлять себя, тем легче потом их будет уничтожить: распоясавшийся варвар вызовет ненависть немцев. Гегемонизм — а мы настаиваем на гегемонии нашей расы — отвергает все иные формы национализма. Время работает на нас, не бойтесь лепить из глины колосса — в него нельзя вдохнуть жизнь, его легко разбить, толкнув плечом: черепков не соберешь...»

И вот на совещании с гестапо, абвером и чинами СС Коновальцу было предложено пересмотреть план работ, выведя на первое место террор и диверсии против СССР. ОУН предлагалось отрегулировать постоянные организационные контакты с абвером и наладить разведывательную сеть в Центральной Европе и на Балканах. Именно по инициативе Ярого в свое время Коновалец обратился в рейхсвер за помощью: он создавал, помимо берлинского «главного провода» ОУН, отделения в Берне, Праге, Вене и широкую сеть филиалов во всем мире — тридцать пять надежных антибольшевистских националистических организаций, не вызывавших сомнений у полиции, оказались первыми действующими разведцентрами абвера.

Именно после этого совещания Рико Ярый отправил в «Край» — Польшу — Романа Барановского, брата ближайшего помощника полковника Андрея Мельника — Ярослава. Роман имел встречу с шефом провода «Края» Головинским, который вскоре после этого, при обстоятельствах, странных лишь при первом рассмотрении, был схвачен польской полицией и убит.

Зверь рождает зверя. Рождение Гитлера как политической личности породило в Европе целый ряд подражателей. «Поглавник» усташей Павелич взял курс на террор. Первым от его пуль погибли коммунисты — сербы и хорваты. «Железная гвардия» в Бухаресте стала призывать к «крови и очищению» — первыми были замучены румынские коммунисты; «скрещенные стрелы» Салаши появились в Венгрии: начались убийства демократов; Бандера и Мельник — каждый по-своему — «поставили на террор» — убивали украинских коммунистов, нелегально переходили границу, жгли дома колхозных активистов, стреляли из-за угла, насильничали.

Убийство министра внутренних дел Польши Пирацкого на уютной и тихой улице Фокзал, в ста метрах от беломраморных ступеней японского посольства, также было организовано «новой волной» ОУН во главе с Бандерой. Убийство это было «хитрым», выгодным пилсудчикам: тысячи польских и украинских коммунистов были брошены в тюрьмы; террор в Западной Украине принял размеры неслыханные — украинские селения, окруженные войсками, затаились, понимая, что их ждет расправа кровавая и беспощадная.

Бандера, будучи «третьей картой», которую разыгрывали разведки Берлина и Варшавы, дал повод для этой расправы — потому-то и сохранили ему жизнь.

В тюрьме Бандера честолюбиво рассуждал о будущем; он заново «исследовал» гибель Головинского, и пополз среди арестантов слух: «Тут не без Коновальца». И решил Бандера рвать с Коновальцем и создавать свой, новый ОУН. Об этих разговорах Бандеры и его друзей узнал Ярый. Это не могло не интересовать гестапо и абвер: эмигрантский «костолом», потерявший «Край», Берлину не нужен — зряшный перевод денег. И через несколько лет — торопиться в разведке негоже — Коновалец, разворачивая на улице Роттердама пакет, переданный ему портье, был разорван бомбой на куски. По «странному» недоразумению Ярослав Барановский, помощник Андрея Мельника, брат того Романа, который заложил в свое время Головинского, через полчаса после убийства Коновальца зашел в его отель и спросил, не возвращался ли Коновалец, причем назвал он фамилию секретную, под которой Коновалец в Роттердам приехал. Барановский был арестован, но вскоре за недостаточностью улик выпущен. Комбинация нацистов с убийством Коновальца, рассчитанная точно и дальновидно, сработала: теперь и Бандера и Мельник будут идти в Берлин, «поливая» друг друга. Они будут искать в Берлине судей и арбитров. Так Ярый выиграл ОУН, который постепенно разваливался на два: ОУН-Б (младобандеровский) и ОУН-М (старомельниковский). Пока Бандера сидел в тюрьме, Ярый по указанию Берлина санкционировал «избрание» Мельника вождем «главного руководства». Наличие двух сил предполагает присутствие постоянного координатора. Когда Бандера вышел из тюрьмы после краха Польши, он сразу же ринулся к Ярому, и тот, поначалу унизив его псевдонимом «Консул-2», потом одарил пониманием и дружбой абвера. Бандера получил деньги и провел «второй» конгресс ОУН, на котором себя избрал вождем, а Мельника заклеймил наймитом и мерзавцем. Работы у Ярого прибавилось, и он радовался этой работе: два дня в неделю он проводил в беседах с людьми Мельника, два — Бандеры. И те и другие «гнали» информацию. Информация была нужна ежечасно: время, отпущенное на подготовку к операции «Барбаросса», подходило к концу.

Рико Ярый держал Бандеру как силу мобильную и резкую. Именно его людей он отправил в Нойхаузен, под Бреслау — там началось формирование специального батальона СС «Нахтигаль». Германский командир — обер-лейтенант Херцнер, украинский — Роман Шухевич при политическом руководителе Оберлендере.

Мельника использовали как консультанта, перепроверяя через него данные Бандеры. Он, так же как и Бандера, формировал походные группы, приданные армии: десять — пятнадцать человек, которые сразу же начнут помогать эсэсовцам расстреливать коммунистов и комсомольцев Украины.

Но о том, что Мельнику вменялись и другие задачи, не имеющие отношения к войне, но имевшие зато прямое отношение к войне честолюбий, к постоянной сваре между ведомствами Гиммлера, Розенберга, Геринга и Бормана, майор СС Рико Ярый не знал и знать не мог, как не знал этого и сам Мельник.

ГАННА ПРОКОПЧУК (II)

В немецкой комендатуре Ганну выслушали внимательно: никакого сравнения с «мышиным жеребчиком» Богдановичем. Чиновник был любезен до того, что спросил даже, закуривая, не помешает ли «фрау Прокопчук запах табака — я курю черный табак, очень ядовитый и резкий».

— О, что вы, я люблю «Житан»,— вымученно улыбнулась Ганна.

Чиновник понимающе кивнул:

— Запах мужчины. Война обделила несчастных женщин...

— Я, признаться, сама курю... Нет, это не запах мужчины, черный табак ассоциируется у меня с солнцем: наши заказчики из Бразилии курят именно такой табак.

— Надоели холода,— так же утверждающе кивнул головой чиновник, внимательно просматривая документы Ганны.

— Наверное, потом я буду тосковать о снеге, но сейчас я мечтаю о том, чтобы было постоянное тепло.

— Но просите пропуск в генерал-губернаторство, где зимой довольно холодно. Впрочем, в немецких домах зимой сейчас тоже прохладно. Трудности с углем — война...

— Да, ужасно,— согласилась Ганна послушно, потому что чиновник этот сразу показался ей человеком серьезным и честным; было что-то в его облике грустное, сосредоточенное, и еще Ганне понравилось, что он точно и необидно «угадывает» ее — так могут понимать женщину только сильные и добрые мужчины.

— Госпожа Прокопчук, я внимательно ознакомился с вашей просьбой. Я понимаю ваше состояние, я сам отец. Однако,— он заметил, как Ганна подалась вперед, и успокоил ее,— нет, нет, мы не отказываем вам... Просто-напросто следует соблюсти формальность, мы, немцы, знаете ли, невероятные формалисты. Сейчас в Париже будет создано бюро по делам украинцев...

— Наподобие русского?

— Да, в какой-то мере. А вы что, знаете людей из отдела русской эмиграции?

— Я была у господина Богдановича.

— И?

— Он ответил, что занимается только подданными Российской империи.

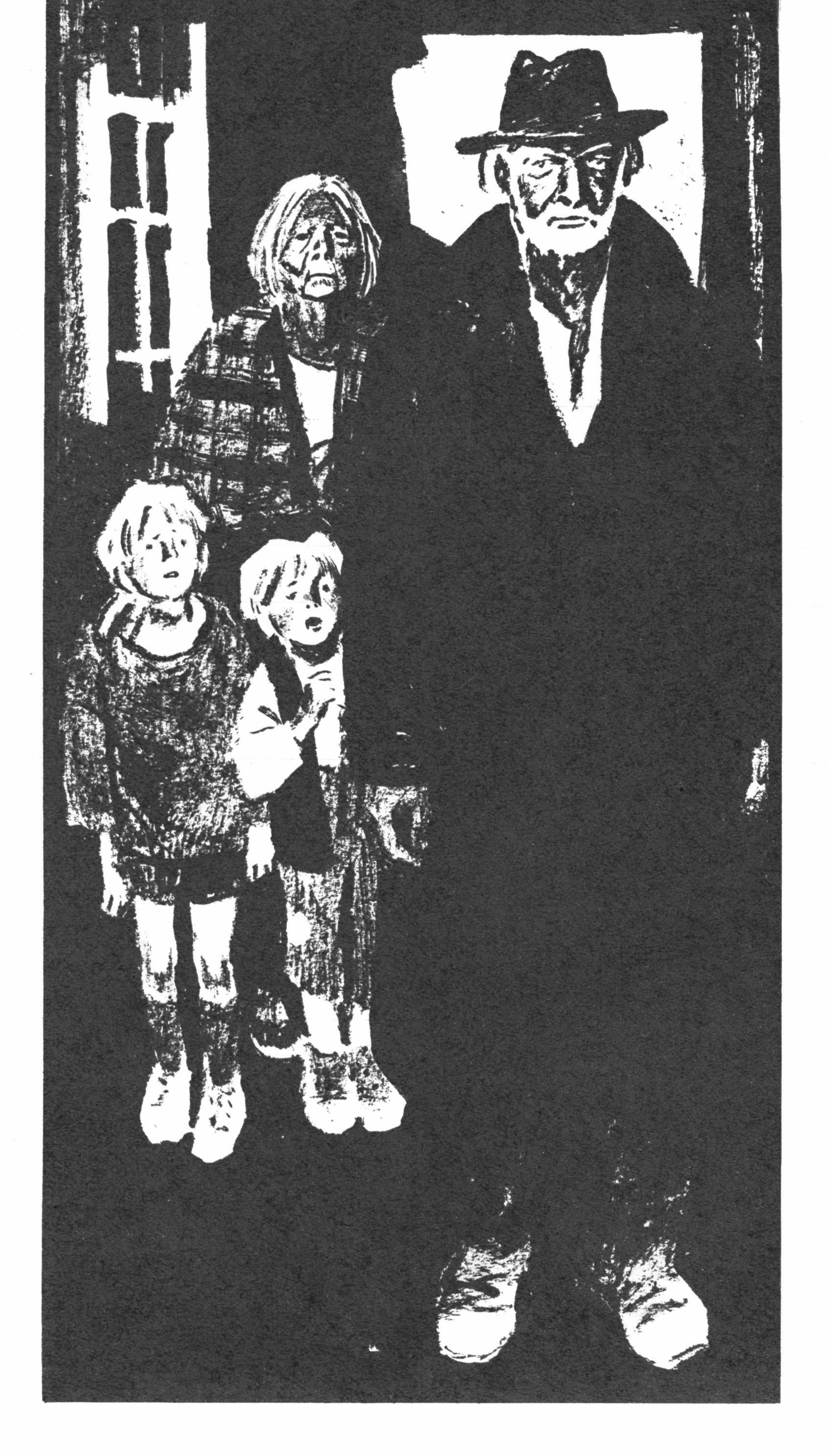
— Он ответил вам правильно. Вы же знаете, как англичане пытаются нарушить нашу экономическую дружбу с Советами,— поэтому нам приходится быть особо внимательными к российскому отделу, чтобы не дать козырей в руки врагов. Украинские представители по вашему делу снесутся с нами, и, я думаю, мы им поможем. Рю Пуасси, 42. Там бюро господина Прокоповича — обратитесь сегодня же.

Чиновник, беседовавший с Ганной, был руководителем референтуры РСХА, которая занималась украинцами во Франции. Уже в течение года референтура собирала материалы на председателя петлюровской Украинской Рады Прокоповича — тот не очень скрывал свою антипатию к Германии и Гитлеру: за тяжкие годы эмиграции прозрел. Сначала он надеялся на Францию и Англию. Ждал, когда те загонят в угол Советы — экономическим бойкотом, дипломатическим непризнанием, самим фактом своей «разумной и доброй» мощи. Однако по прошествии лет, а особенно после разгрома Польши, Прокопович понял: ничего Запад не сделает для его «Рады», нечего на них надеяться; если уж за себя постоять не могут, как за других постоят?! И Гитлер был ему неприятен. В отличие от тех эмигрантов, которые жили в рейхе и которым, как и русским, было запрещено продавать в магазинах и выдавать в библиотеках «Майн кампф» Гитлера и «Миф XX века» Розенберга (не хотели, чтобы даже «карманная эмиграция» узнала о конечных целях Великой германской империи), Прокопович изучил эти труды с карандашом в руке. Он понял, что Гитлер и Розенберг готовят украинцам, как, впрочем, и русским, судьбу, подобную той, которую британцы навязали неграм в Африке. Поэтому Прокопович от всяких контактов с Андреем Мельником и Степаном Бандерой категорически отказался.

С Прокоповичем несколько раз беседовали «доброжелатели» из земляков, убеждали его в необходимости сотрудничества с новой властью, советовали влиять на Берлин постепенно, самим фактом диалога с национал-социалистами, говорили, что германский национализм как идейное течение в конечном счете не сможет не принять национализм украинский, направленный не вовне, а вовнутрь, в свою нацию, ни в коей мере не претендующий на мировое или европейское лидерство.

Прокопович не внимал советам украинских посредников, состоявших на штатной службе в «Антикоминтерне»— филиале геббельсовского министерства пропаганды, или у полковника Мартина, в секторе агитации СС, или у доктора Тауберта, в восточном отделе министерства пропаганды, или у профессора Менде — главного розенберговского эксперта, руководителя восточного отдела Германского института по изучению заграницы. Он теперь отстаивал уж и не политическую линию, а просто-напросто личное свое достоинство. Не признаваться же, право, что все эти годы брошены псу под хвост и дело, в которое он верил,— химера и вздор?! (Когда он найдет силы признаться себе в этом, гестаповцы устроят ему летом сорок второго года инфаркт миокарда со смертельным исходом.)

Но в июне сорок первого года референт, занимавшийся парижскими украинцами, хотел знать о Прокоповиче все, прежде чем сфор-



мулировать свои рекомендации Берлину. Для этого надо собирать материал — гестапо не торопится, когда речь идет о людях типа Прокоповича. Вопрос надо изучить со всех сторон, исследовав все возможности. Ганна будет принята Прокоповичем: об этом позаботятся люди из его окружения, завербованные гестапо еще в начале тридцатых годов. Запись беседы с этой талантливой украинкой ляжет в сейф референта. Люди типа Прокоповича с каждым не говорят — они разборчивы в знакомствах. Ганна Прокопчук относится к числу тех, перед кем он может открыться неведомой гранью; глядишь, именно эта грань сделает парижского украинца удобным для охвата его секретными службами рейха.

...Референт, однако, ошибся: бывший украинский лидер, выслушав Ганну, сказал, тяжко вздохнув:

— Не ждите от меня помощи, милая. Я бессилен сделать что-либо, потому что марионеткой быть не умею, я Прокопович, а не Лаваль. Мы для них — ничто... Горько: я это понял слишком поздно, когда изменить ничего нельзя, ибо сидеть на двух стульях допустимо на банкете — не в политике. Не гневайтесь, я человек конченый.

...Когда Ганна вышла из кабинета Прокоповича, грустный и доброжелательный секретарь его (агент гестапо, он поддерживал контакты с руководителем ОУН-М Мельником, естественно, с санкции и по указанию СД, для того, чтобы консультировать и анализировать все высказывания, акции, мнения, замечания, поведение бывшего главы «Рады») тихо и проникновенно сказал ей:

— Госпожа Прокопчук, мой вам братский, искренний совет: кому ж его и дать-то вам, украинке, как не мне, украинцу... Подружитесь с германцами. Видимо, скоро истинные патриоты нашей с вами родины обретут такую силу и такую самостоятельность, что помочь вам смогут в горе не словом — делом... Они вернут вам и Никитку и Янека... Подружитесь, родная, право слово, подружитесь с немцами, они вас не дадут в обиду...

РАНИМАЯ И ТРЕПЕТНАЯ ДУША АРТИСТА

Трушницкий закрыл дверь осторожно, но петли были плохо смазаны, и поэтому маленький домик, в котором он снимал комнату, наполнился протяжным и тонким скрипом.

Трушницкий даже зажмурился, представив себе, как этот страшный скрип разбудил старуху Ванду, пана Ладислава и маленьких Никиту и Янека. Он замер у двери и осторожно вслушался в темную тишину дома, но никто не шевельнулся в комнатах, и тогда, успокоенный, он, балансируя руками, как воздушный гимнаст, пошел по маленькой зале в свой закуток.

— У пана хормейстера есть сигареты?— услыхал он хриплый голос Ладислава, но перед тем, как понял, кто его спрашивает, Трушницкий успел испугаться: он с детства испытывал страх перед темнотой.

— Я разбудил вас. Простите,— сказал Трушницкий.— Я завтра смажу петли. Что пани Ванда? Ей легче?

Ладислав прошлепал босыми ногами по полу, прикрыл дверь своей комнаты, где спал с сыновьями, и подошел к Трушницкому: костистый, длинный, в белой ночной рубахе; из-за того, что пегая борода росла от глаз, вместо его лица зияло темное пятно.

«Всадник без головы,— подумал Трушницкий.— Наверное, это все же очень страшно. Можно только завидовать людям без воображения: они лишены представлений о неведомом, они живут в том мире, который привычен, неинтересен и заземлен. Но зато у них не бывает сердечных заболеваний».

— Пани Ванда завтра поднимется с постели,— сказал Ладислав, и Трушницкий ощутил тяжелый перегарный запах.— Маменька уже сегодня хотела подняться, но я уговорил ее полежать еще один день. Вот вам и наши издевательства над знахарями! Не приведи я к ней пана Крыжанского, завтра б ее унесли на кладбище.

— Будет вам, пан Ладислав... Держите сигарету.

— Спасибо.

Пламя спички осветило огромное лицо Ладислава; тяжелые, словно брылы у породистого пса, складки щек, резкие морщины под глазами и тяжелые надбровья. Потом темнота стала еще более осязаемой, оттого что Ладислав прятал сигарету в кулак: работая всю жизнь в лесах, он привык экономить табак — в кулаке медленнее сгорает, а на ветру мгновенно превращается в серый пепел.

— Что ей дал знахарь?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Он месмеровец. Он взял на себя ее болезнь. Он водил по ее спине пальцами — у него длинные пальцы, длиннее, чем у меня, и ногти синие. Он пальцами-то водил по матушкиной спине, а я видел, как у него пот выступал за ушами. От напряжения.

— Почему от напряжения?— пожал плечами Трушницкий.— Просто было жарко.

— Это нормальным жарко. А он вне нормы. Он глазами на столе ложку двигает. Смотрит на ложку, а она двигается. Пошли, налью холодного чая.

В маленькой кухне остро пахло кислой капустой. Ладислав зажег керосиновую лампу.

— А может, чарочку?— спросил он, предлагая Трушницкому табуретку.— У меня немножко припрятано.

Трушницкий подумал, что завтра ему нужно быть поутру у Сирого, где соберутся трое из «руководства» ОУН, и Сирый как-то странно говорил сегодня, что, видимо, репетиции хора

придется отменить на ближайшее время, и намекал, что именно ему, Трушницкому, вероятно, выпадет честь первым приветствовать Бандеру. Но в конце концов одна чарка не сможет помешать ему, а нервы напряжены до предела. Оратория, наконец, получилась, и поют ее хористы поразительно.

— Разве что за компанию,— сказал Трушницкий.

Ладислав налил в чарки мутноватого самогона, принес хлеба, лука и соли.

— Хватит?— спросил он.— Или подогреть щей? Я кормил знахаря великолепными щами.

— Благодарствуйте, сыт,— ответил Трушницкий.— За здоровье пани Ванды.

— За здоровье,— ответил Ладислав и опрокинул чарку в свой рот, похожий на щель в копилке: такую Трушницкому подарила бабушка Анна Тарасовна, когда приезжала к ним в имение с Полтавщины,— пират с открытым ртом, в красной косынке и серьгой в левом ухе.

Трушницкий отрезал маленькую корочку хлеба, бросил в рот щепотку соли и спросил:

— Каков диагноз?

— А нет диагноза,— ответил Ладислав.— Знахарь не верит нынешней медицине. Он верит в Месмера. Сеанс продолжался полчаса, и матушка сказала: «Боли нет». Он заставил ее встать, и она встала.

— Но пани Ванда две недели пила лекарства...

— Ваши германские лекарства ни к черту не годятся! Они же не помогали матушке, ни на грош не помогали! А пришел знахарь...

— Ну хорошо, а вдруг знахарь пришел в момент кризиса, когда уже сказалось действие лекарств? А вдруг получился тот случай, когда знахарь воспользовался — невольно, невольно,— заметив негодующий взгляд Ладислава, пояснил Трушницкий,— тем эффектом, который дала обычная фармакология?

Ладислав затянулся, обжигая большие пальцы, и раздавил окурок о край грубо сколоченного дощатого стола:

— Я теперь этому знахарю до конца дней своих поверил. Зачем веру-то подрывать?

— А нужна она, вера?— тихо спросил Трушницкий.

— То есть?— Ладислав словно бы ударился обо что-то.— Не понимаю?

— Вера — это искушение, это надежда, пустая надежда, страх, ожидание, а в конце концов неверие, потому что в итоге каждого ждет разочарование и пустота. Лучше уж попросту жить: будет день — будет и пища. Не верю я ничему и никому и знахарю вашему не верю.

— Так ведь он пришел, пальцы растопырил, пóтом облился, и матушка встала!— воскликнул Ладислав.— При чем здесь ваше неверие? Позавчера мы думали, что тю-тю: воспаление легких в ее возрасте известно чем кончается. А куда мне без нее? Куда? Я-то еще ладно, както продержусь до конца своего, а Никитка с Янеком?

— Слушайте, Ладислав, я хотел давно спросить: где ваша жена? Она жива?

— Спокойной ночи,— сразу же поднявшись, сказал Ладислав.— В потемках разденетесь или посветить?

— Разденусь. Извините, бога ради, что я вас неловко спросил,— самогон в голову ударил.

— А то посвечу.

Трушницкий поднялся, чувствуя в теле радость.

— Завидую я людям физического труда,— снова переходя на шепот, сказал он,— им и похмеляться можно, и с утра пораньше пивком побаловаться, а я как на каторге, право слово! Хоть умри, а голову имей прозрачную.

— Сильно страдаете после перепоя?

— Да. Тоска, и печень болит.

— А вы горячих щей. Очень это облегчает страдание — горячие щи, луковица, ломоть теплого хлеба, а потом, когда прошибет и лоб помокреет, тогда полстаканчика, и хрустнуть малосольным огурцом...

— Искуситель вы,— вздохнул Трушницкий.— Добрый искуситель. Сказочник. Я, знаете, заслушиваюсь, когда вы своим мальчикам сказки рассказываете.

Ладислав взял со стола лампу, зашел с Трушницким в его закуток с маленьким окошком, выходившим на покосившийся забор, и, наблюдая за тем, как хормейстер ловко раздевался, умудряясь бесшумно скакать на одной ноге, стягивая широкие брюки, задумчиво сказал:

— Если б я знал, кто моя жена, когда встретил ее, так либо сбежал бы от нее сразу, либо смотрел как на святую. А я на нее как на жену смотрел. Как на свою жену. Мужья, жены — это синоним собственности. Жена. Значит, само собой, моя. Муж? Соответственно. В ком дар божий заложен, тому либо в одиночестве надо жить, либо семью делать, когда дар божий, поначалу обычно скрытый в человеке, станет всем ясен. Словом, жена моя — Ганна Прокопчук.

Трушницкий сел на кровать, больно стукнувшись локтем о маленький столик.

— Это которая в Париже? Архитектор?!

Ладислав затушил лампу, буркнул:

— Спокойной ночи, дорогой хохол.

— Спокойной ночи, милый лях... Вы меня прямо как обухом по темени: Ганна Прокопчук, скажите на милость!

— И хватит об этом,— прикрывая дверь, попросил Ладислав,— дети не должны ее знать, не надо несчастным детям знать знаменитых родственников. Если сразу, сызмальства этого не было — в отрочестве сломать может. От меня их оторвет, а прибиться-то некуда. Хотя река без одного берега — и такое возможно, хормейстер, в наши дни.

...Трушницкий проснулся, услыхав музыку. Какое-то мгновение он лежал недвижно и слышал, как за стенкой кашляла пани Ванда и просила Ладислава развести горчицы в эмалированной кружке, но музыка все равно продолжала звучать, и была она до того пасторальной и легкой, что Трушницкому показалось, будто приснились ему и хриплый голос пани Ванды, и шлепанье по грязному полу больших ног Ладислава, и лязг посуды, когда тот доставал из буфета голубенькую эмалированную кружку. Трушницкому казалось, что высокая пасторальная музыка была явью, правдой, реальностью, которая обычно является под утро, в духоту, перед грозою.

«Именно потому, что я не хочу открывать глаза, я открою их»,— подумал Трушницкий, и в то мгновение, когда он подумал так, музыка исчезла, и он даже поднялся с кровати, чтобы задержать ее в памяти, но она, словно нечто живое, уходила от него белым, странным пятном воспоминания. Вместо музыки он теперь слышал только кашель старухи и отмечал машинально, что кашляла она действительно легче, чем вчера, и не было в долгих, удушливых *затишьях* того страшного ощущения смерти, которое появлялось в первые недели ее болезни; иногда, услыхав, как во время тяжелого кашля пани Ванда внезапно замолкала, и не глотала тяжко воздуха, и не сморкалась облегченно, Трушницкий вбегал в ее комнату и видел, как старуха раскачивалась на кровати, выгибалась на подушках, словно акробатка, и руками загребала воздух, чтоб было больше, но дышала все равно с трудом и откашляться не могла. Тогда ее усаживали на кровати, наклоняли голову, и синее лицо ее бледнело, и она начинала храпеть, будто огромные мехи раздувались в груди, а потом наступало забытье, и лицо ее делалось до странного моложавым и красивым — совсем без морщин...

«Может, действительно ей знахарь помог, а не красный стрептоцид?— подумал Трушницкий.— Мы всегда в отчаянии бежим к знахарю. А когда над нами не каплет, смеемся над ним. Уж не от слабого ли знания нашего? Или от невозможности понять неведомое? В церковьто мы ведь тоже бегаем, когда помощи ждем от господа — в часы радостей кто о нем помнит?»

— Как здоровье пани Ванды? — поймав себя на том, что заученно улыбается, словно верит, что его не только слышат, но и видят через перегородку, спросил Трушницкий.

— Я ожила,— басисто ответила старуха; перегородка была из тонкой фанеры — даже голоса не надо было повышать.

— Ну и слава Христу,— сказал Трушницкий, одеваясь.

Он вышел на кухню, ополоснул лицо, хрусткою потер большие свои уши, вспомнив отчего-то давешние слова Ладислава про то, как у знахаря потело за мочками, вытерся докрасна желтым, несвежим вафельным полотенцем и поставил на керосинку чайник.

Воды в чайнике было на донышке, Трушницкий прибавил фитиля и сел на табурет, дожидаясь, пока забулькает.

«Господи,— вдруг с тяжелой тоской подумал он,— когда же кончится эта страшная жизнь моя? Когда, наконец, обрету дом? Пусть бы только на Украину, пусть бы только свою квартирку, чтобы спокойно заниматься музыкой и не таиться самого себя, страшась доставить неудобство хозяевам своим присутствием. «Хозяевам».— Он даже усмехнулся этому слову.— Ладислав и пани Ванда мои хозяева. Это реальность, и смеяться над ней нечего. Можно смеяться надо всем — только над реальностью смеяться нельзя, ибо это проявление скудоумия. Даже если мы сами толкаем себя в ту реальность, которая нам омерзительна, которая унижает нас и ранит,— все равно принимать ее надо без смеха, чтобы понять *суть*».

Перед уходом, басисто покашляв в огромный свой кулак, пан Ладислав, смущаясь своей просьбы и, видимо, чувствуя себя неловко до самой последней крайности, попросил:

— У меня вот какое дело... Я ночь не спал после вчерашнего разговора... Вы связаны с новой властью...

— Я не связан с новой властью,— сразу же возразил Трушницкий, потому что вспомнил наставления помощника «вождя» — Лебедя: «Ни о каких контактах с представителями генерал-губернатора никому ни слова. Мы — частная организация «Просвита», мы не пользуемся никакими льготами от немцев».

— Да полно вам, пан Трушницкий, вас же офицеры домой подвозили.

— Это был случай.

— Пан Трушницкий, мне некого попросить. Ганна не может выбраться из Парижа. Попросите за нее, а? Как-то вы меня разбередили вчера, сердце щемит...

— Она писала вам?

— Несколько раз писала.

— И что?

— Я не отвечал. Она звала туда, деньги переводила, молила. Но ведь я поляк, пан Трушницкий, я могу простить все, что угодно, но не то, что можно расценить как оскорбление. Будь проклят мой характер, будь трижды проклят...

— Вчера вы говорили, что дети не должны знать ее...

Пан Ладислав болезненно сморщился.

— Бог мой,— вздохнул он,— разве вы не понимаете? Вы ведь мужчина... Я заставлял себя забыть ее, я должен был заменять мальчикам и мать... Что не скажешь в сердцах?

— Как вы узнали, что она и сейчас хочет вернуться?

— Один наш офицер был в плену под Парижем. Он встречал там ее друзей... Она может как угодно относиться ко мне,— большое лицо пана Ладислава снова дрогнуло, потому что он тщился заставить себя снисходительно улыбнуться,— но по-человечески мне ее жаль. Она там совсем одна.

— Я, право, ничего не могу обещать вам.

— Не надо никаких обещаний. Вдруг вам удастся замолвить слово, просто замолвить слово...

...Зайдя в «Украинский комитет» (2 373 марки в месяц от абвера на аренду помещения), Трушницкий позвонил к Лебедю, который отвечал не только за контрразведку, но и за культурную работу среди националистов, и попросил назначить ему время встречи.

— Да полно вам, друже,— пророкотал в трубку Лебедь.— Заходите хоть сейчас.

Внимательно выслушав Трушницкого, он задал только один вопрос:

— А эта Ганна действительно талантлива?

— Ее считали одной из наиболее талантливых архитекторов Польши.

— А что ж она — украинка — и за поляка?— досадливо поморщился Лебедь.— Надо же помнить о крови, право слово. Ладно, я проконсультирую этот вопрос с друзьями. Вы, кстати, обратились по своей инициативе?

— Как сказать...— замялся Трушницкий.— Вообще-то больше по своей. Мой хозяин вскользь коснулся этой тяжкой для него проблемы...

— Понял наконец, что только мы теперь можем помочь полякам — никто другой.

— В том-то и дело,— обрадовался Трушницкий искренне и открыто, не понимая, что своей неискушенной радостью он обрек на смерть семью пана Ладислава.

Сразу после того, как Трушницкий ушел, Лебедь позвонил оберштурмбаннфюреру Дицу, резиденту гестапо, и договорился о встрече. Во время беседы, которую Диц предложил провести на конспиративной квартире у доктора философии Юзефа Шимфельда на улице Томаша в доме двадцать два, Лебедь коснулся вопросов «прикрытия».

— Связанные с нами поляки,— сказал Лебедь,— могут оказаться теми дырами, через которые уйдет информация. Не всем моим людям я могу открыть дату, господин Диц. Люди есть люди: каждый имеет своего «хорошего» поляка, жида или русского.

— Мы переболели этой болезнью,— согласно кивнул головой Диц.— Я понимаю вашу тревогу. Предложения?

— Я давно просил выделить нашим людям отдельные комнаты...

— Не все наши люди имеют отдельные комнаты, господин Лебедь, не все наши. Итак, предложения?— настойчиво повторил Диц.

— Вероятно, тех поляков, которые были так или иначе сконтактированы с нашими людьми, стоило бы на какое-то время изолировать.

— У вас это уже написано? Оформлено в документ?

— Нет, я, собственно, считал, что нашего разговора будет достаточно.

— Отнюдь. Мне необходимо получить ваши соображения, чтобы я добился срочного решения этого вопроса в канцелярии генерал-губернаторства.

...Через полчаса Лебедь был на конспиративной квартире бандеровского руководства на улице Реторыка.

— Конечно,— выслушав отчет Лебедя о беседе с Дицем, сказал Ярослав Стецко, ближайший помощник Бандеры.— Пусть к концу дня твое предложение будет на столе у Дица. Теперь по поводу этой Ганны, архитекторши...

— Она, как утверждает Трушницкий, относится к цвету украинской интеллигенции,— ответил Лебедь.

— Ты это,— поморщился Стецко,— брось словечко «интеллигенция». Фюрер не скрывает своего презрительного отношения к интеллигенции — и нам этому не грех поучиться.

— Но Прокопчук украинка,— заметил Лебедь,— она же представитель кровной интеллигенции.

— А Корнейчук с Рыльским и Тычиной — эскимосы? Или москали? То-то и оно! Есть такое мнение, чтобы ввести в обиход понятие «мыслящая группа». Понятно? Два слова не одно. «Группа» — значит, подчинена кому-то. «Мыслящая» — значит, целенаправленная. Так-то вот. С Ганной Прокопчук, конечно, подумаем. Наш фюрер,— Стецко назвал Бандеру на немецкий манер,— обещал связаться с референтом в секретариате генерал-губернатора Франка — тот увлекался, говорят, архитектурой. Вроде их Шпеера.

Следующей ночью Трушницкого разбудил резкий стук в дверь — приехало гестапо.

Обыск в доме был недолгим, а потом пану Ладиславу, мальчикам и старухе Ванде предложили одеться и взять с собой самое необходимое.

— Но в чем дело?— срывающимся голосом спросил пан Ладислав.— Моя мать перенесла тяжкое воспаление легких, она еще не встает с постели...

— У нас хороший лазарет,— успокоил его офицер, руководивший арестом,— вам не следует тревожиться о будущем матушки.

— А дети?— Пан Ладислав заплакал, и дети тоже заплакали тонкими голосками, а старуха зашлась длинным, рявкающим кашлем.

— Если вы не виноваты, вас освободят,— сказал гестаповец,— собирайтесь поскорее, пожалуйста.

Старуха продолжала хрипеть, не в силах откашляться — видимо, она хотела сказать что-то, и пан Ладислав бросился к ней, но моментально сработал рефлекс эсэсовцев на быстрое движение: они бросились на поляка и сразу же завернули ему руки наверх. Он закричал не от боли, а от страха за детей, которые тонко заверещали и хотели было к нему кинуться, но были схвачены за плечи коротколапым солдатом, стоявшим возле двери.

— Господа, господа, послушайте,— сказал Трушницкий, отделившись от стены,— здесь какое-то недоразумение. Я из «Просвиты», позвольте мне связаться с нашим представителем.

— А к вам у нас нет претензий,— сказал офицер и, заглянув в бумажку, которую он держал в руке, обтянутой тонкой лайковой перчаткой, добавил:— Никаких, господин Трушницкий.

Пан Ладислав метнулся взглядом к лицу Трушницкого, потом в ужасе посмотрел на сыновей и закричал:

— Детей хоть спасите! Детей спасите, умоляю вас!

— Господин офицер,— откашлялся Трушницкий,— может быть, вы позволили бы мне взять детей под свой присмотр? Я смогу содержать их, пока выяснится это недоразумение.

— Хватит.— Офицер деревянным жестом одернул френч.— Ведите арестованных в машину. А вы,— он глянул на Трушницкого,— переселяйтесь из своей каморки в любую комнату, которая понравится.

Маленький Никитка затопал ножками, обутыми в рваные сандалии, губы его побелели, и слезы покатились по щекам.

— Папочка,— закричал он, и все лицо его побелело,— папуленька, я к тебе хочу!

— Сейчас, сыночка, сейчас, мой хороший, мы сейчас сядем в машину, я возьму тебя на коленки, не плачь, нежный мой, ну, не плачь... Пан Трушницкий, вытрите же ему глаза,— всхлипнул Ладислав,— и носик утрите, молю вас!

Трушницкий двинулся было к мальчикам, но офицер остановил его:

— Не надо.

Янек старался сдерживаться, ему уже было восемь, но, глядя на бабушку, тяжко поднимавшуюся с постели, тихонько заскулил, как щенок, оторванный от матери, а потом описался, потекла тоненькая струйка от его трясущихся ног, и он, видно, так испугался этого непроизвольного позора своего, что закричал пронзительно:

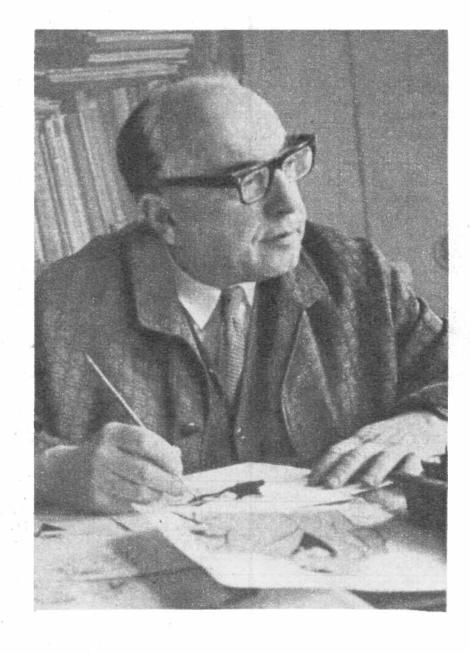
— Папочка, ну скажи им что-нибудь, папочка!

— Пан Трушницкий,— захрипел Ладислав, подавшись вперед,— будьте милостивы, помогите же детям!

Старуха, наконец, кончила кашлять, отерла взбухшие синие губы, посмотрела на сына с укоризной:

— Не роняй себя... Пошли, маленькие, пошли. Вам нечего бояться, вас ждет избавление и отдых, пошли. Это нам надо бояться — грешившим.

Продолжение следует.



БОРИС ЕФИМОВ

Три четверти века... В это трудно поверить. Семьдесят пять лет этому юному с острыми, блестящими глазами человеку. Борис Ефимов. Мы все привыкли сверять политический календарь международной жизни нашего времени по неотразимым, графически ясным, злым и пронзительным рисункам этого блестящего мастера политической карикатуры.

1919 год. Лето. Молодой паренек приносит в киевскую газету «Красная Армия» свой рисунок — карикатуру на Деникина. Это был старт. С тех пор прошло пятьдесят шесть лет! Тысячи карикатур, плакатов, шаржей, рисунков—дневник эпохи, галерея острейших портретных характеристик, клеймящих навечно,— вот истинный подвиг всей жизни этого художника печати.

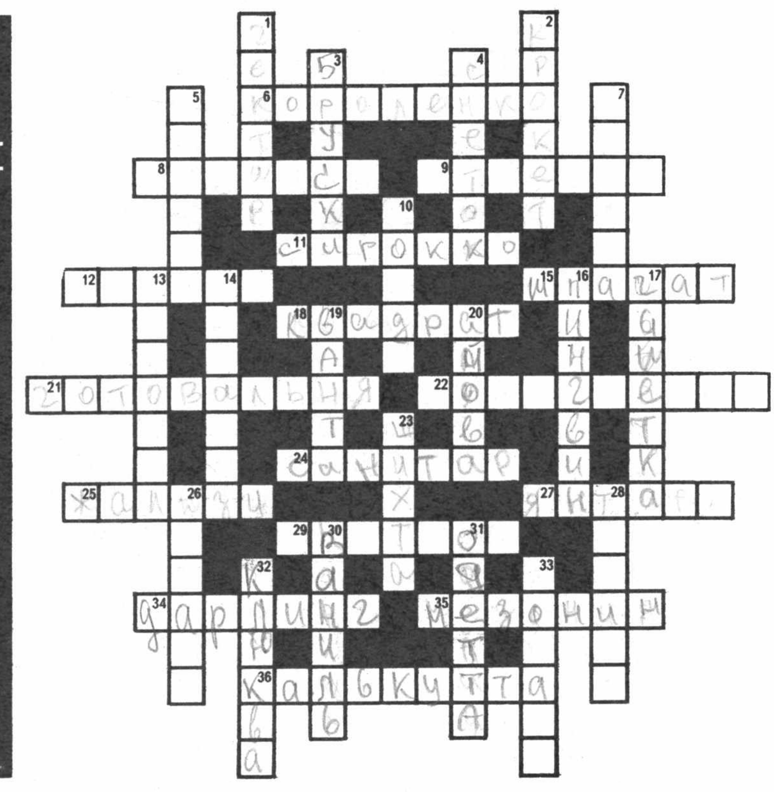
Карандаш, перо, кисть Ефимова подобны штыку, они разили врагов нашей Родины, клеймили агрессоров всех мастей, поджигателей войны. Когда грянул гром Великой Отечественной, рисунки Бориса Ефимова встали в строй бойцов за Отчизну.

Его работы в «Правде», «Известиях», «Огоньке», «Крокодиле», «Прожекторе», «Красной ниве» и других изданиях, десятки книг, альбомов, плакатов — огромный неоценимый труд журналиста, члена-корреспондента Академии художеств, народного художника СССР, лауреата Государственных премий СССР Бориса Ефимовича Ефимова, неутомимого, веселого человека и несгибаемого солдата советской армии газетчиков.

Иван СЕМЕНОВ,
народный художник СССР

В № 41 мы начинаем публикацию записок Льва Яшина. Один из самых популярных вратарей мира рассказывает о себе и своих товарищах. О праздниках и буднях большого футбола. О матчах, вошедших в историю спорта.

КРОССВОРД



По горизонтали: 6. Русский писатель. 8. Город в Московской области. 9. Зодиакальное созвездие. 11. Знойный ветер. 12. Дневная бабочка. 15. Тонкая веревка. 18. Равносторонний прямоугольник. 21. Набор чертежных инструментов. 22. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 24. Медицинский работник. 25. Занавеси со складками. 27. Ископаемая смола хвойных растений. 29. Советский поэт и драматург. 34. Река в Австралии. 35. Верхний полуэтаж. 36. Порт в Индии.

По вертикали: 1. Мера земельных площадей. 2. Игра в деревянные шары. 3. Роман Ф. И. Панферова. 4. Мелкая промысловая рыба. 5. Соединительная деталь в машиностроении. 7. Гора в Судетах. 10. Приток Иртыша. 13. Оперетта Н. М. Стрельникова. 14. Вечнозеленый кустарник или дерево. 16. Веслоногая птица. 17. Приспособление для спуска курка в огнестрельном оружии. 19. Снасть для укрепления мачты. 20. Штат в США. 23. Смесь материалов, подлежащих переработке в металлургических печах. 26. Косметическое средство. 28. Персонаж комедии А. Н. Островского «Последняя жертва». 30. Пряность. 31. Действующее лицо балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 32. Ягода. 33. Стихотворение А. В. Кольцова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 5. Новороссийск. 8. Монолог. 9. Биатлон. 10. Батискаф. 17. Пунктир. 18. Колонок. 19. Рубо. 20. Тускарора. 21. «Ведомости». 22. Кама. 23. Пуччини. 25. Бахрома. 27. Краковяк. 32. Команда. 33. Лукошко. 34. Чернышевский.

По вертикали: 1. Фотон. 2. Борона. 3. «Синица». 4. Осетр. 6. Кончак. 7. Золото. 11. Терракота. 12. «Коновалов». 13. Бузулук. 14. Гидрант. 15. Волопас. 16. Почтамт. 24. Чоглок. 26. Редька. 28. «Родина». 29. Якутск. 30. Балет. 31. Копия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Крупнейшие достижения советской науки. «МР» — исследовательский атомный реактор в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова. * В Физическом институте имени П. Н. Лебедева АН СССР. Аргоновый лазер. * Так выглядит магнитогидродинамическая установка — знаменитая МГДУ-25. В Институте высоких температур работают над проблемами энергетики будущего.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эти кристаллы назвали «Фианит», по имени института, где они появились на свет — ФИАНа. * В павильоне «Физика» на Выставке Достижений Народного Хозяйства СССР. * Советская космическая техника представлена в павильоне «Космос». * Так шла в Серпухове подготовка 80-метрового линейного ускорителя к пуску. Фото Г. Копосова и И. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/IX — 1975 г. А 00647. Подп. к печ. 30/IX — 1975 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2237. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1131.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото И. ГАВРИЛОВА

Площадь Павших борцов, главная площадь Волгограда, расцвечена флагами и транспарантами, как в дни самых больших праздников. Здесь состоялось открытие VII Всесоюзного слета победителей похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Его участники — посланцы всех областей, краев и республик страны.

В год 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне молодые патриоты прошли дорогами, которые вели их отцов сквозь огонь и смерть к победе над фашизмом. Они открыли новые страницы в истории социалистического Отечества, его Вооруженных Сил, Ленинского комсомола. Среди гостей были герои Сталинградской битвы, ударники труда, известные деятели литературы и искусства, молодые зарубежные друзья.

По приказу председателя Центрального штаба Всесоюзного похода Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза И. Х. Баграмяна посланцы городов-героев Москвы, Ленинграда, Киева, крепости-героя Бреста и города Ульяновска подняли флаг слета и зажгли огонь славы. Со словами приветствия к участникам слета обратились первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, почетный гражданин Волгограда Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза В. И. Чуйков, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Г. Т. Береговой.

Пять дней проходил патриотический форум советской молодежи. Юноши и девушки несли трудовую вахту на заводе «Красный Октябрь». Здесь когда-то решалась судьба Сталинграда. Немецкое командование считало основным очагом сопротивления города мартеновский цех этого завода. Но захватить его фашистам так и не удалось. Теперь на трудовой вахте у мартена сталевары — делегаты и гости слета Виктор Казанов из Магнитогорска, варшавянин Роман Лыжва, Галиб Геокян из Еревана...

Другая группа трудового десанта состояла из молодых механизаторов, ветеранов войны, знатных хлеборобов. Они вышли работать на Солдатское поле. Так в юбилей Победы назвали участок севернее Волгограда. Нынешней весной саперы очистили его от тысяч снарядов и бомб, оставшихся здесь после войны. И вот поле, принадлежащее совхозу имени 62-й армии, снова ожило.

Перед окончанием слета его участники провели военно-спортивные игры на месте соединения Сталинградского и Юго-Западного фронтов. Молодежь показала отличную военную и спортивную закалку.

Всесоюзный слет патриотической молодежи у стен волжской твердыни был отчетом о трудовых достижениях и успехах в учебе, рапортом предстоящему XXV съезду партии, к которому готовится вся страна.

А. ГОЛИКОВ



Открытие Всесоюзного слета.

Эхо войны.

На Солдатском поле.



ПО СЛ

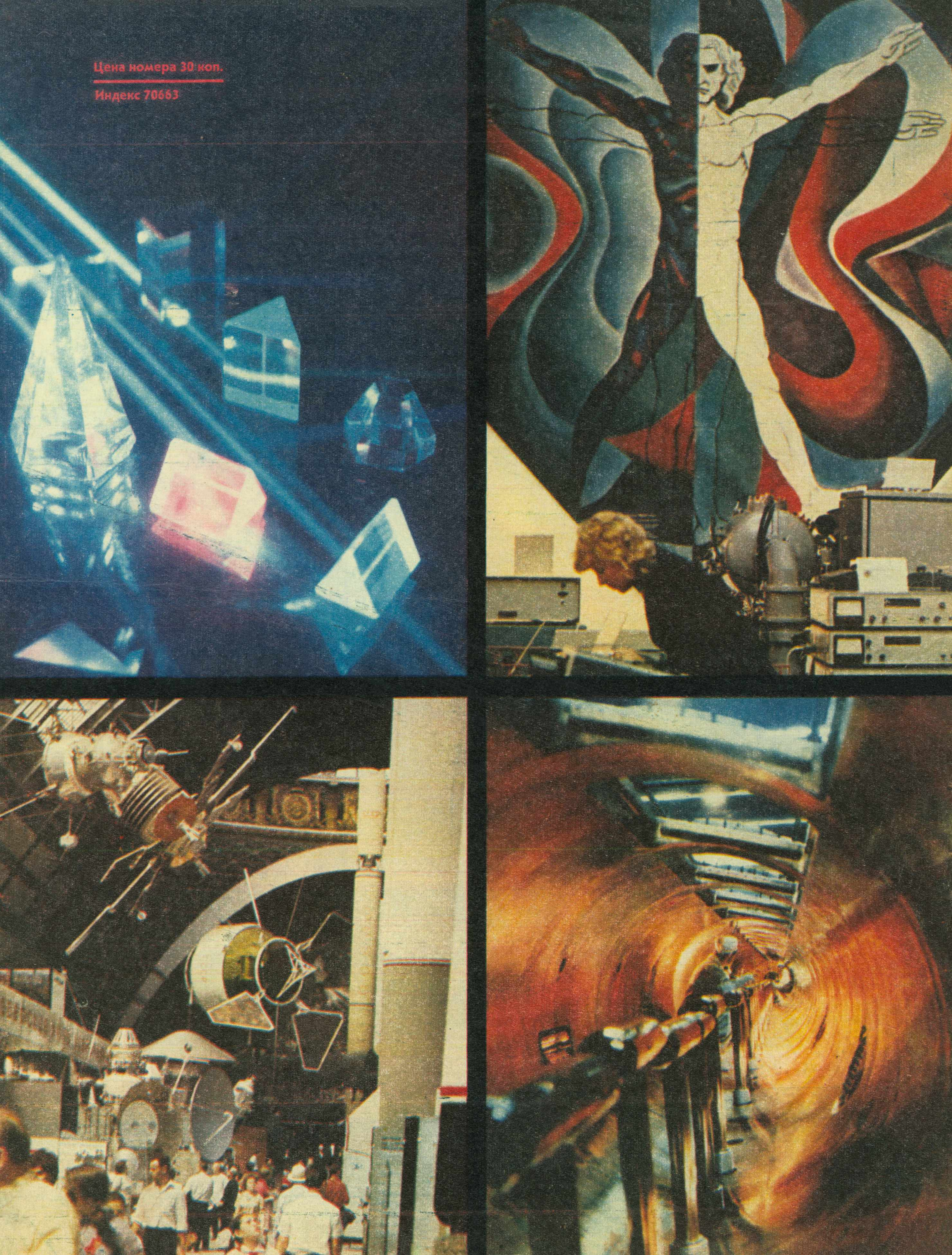


Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников и участник двух мировых войн С. А. Галустян беседуют с вьетнамской делегацией.

Плавка дружбы на заводе «Красный Октябрь». Ведут ее депутат Верховного Совета СССР сталевар Александр Николаевич Поздняков и подручный сталевара Вячеслав Симутин, приехавший на слет из Ленинграда.

Военно-спортивный праздник.

ЕДАМ ГЕРОЕВ


Цена номера 30 коп.
Индекс 70663